РОКСАНА ВЕЛЬМОР

НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ

НЕХОЖЕНЫЕ ТРОПЫ

Нехоженые тропы

Роксана Вельмор

Не оглядывайся

«Автор»
2026

Вельмор Р.

Не оглядывайся / Р. Вельмор — «Автор», 2026 — (Нехоженые тропы)

Лес никогда не ведёт одной дорогой дважды.Злата, студентка-филолог, приезжает в затерянную деревню Бережки собирать старинные предания. Знакомство с обаятельным Иванушкой оборачивается путешествием в Навь — удивительный и пугающий мир, где лешие стерегут свои владения, русалки заманивают путников в топи, а Кощей Бессмертный оказывается совсем не таким, каким его описывают сказки.Граница между мирами рушится, целые деревни исчезают бесследно, и Бессмертный предлагает Злате сделку, которая может вернуть её домой.Но чем глубже девушка проникает в тайны Нави, тем труднее ей разобраться, кому доверить свою жизнь, а кому — сердце. И тем страшнее становится цена возвращения.Ведь в старых сказках неспроста предупреждают: что бы ни случилось, не оглядывайся.

© Вельмор Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Последняя деревня 5
Иванушка-дурачок 15
Не ходи обратно 28
По ту сторону 42
Кощей 50
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Роксана Вельмор
Не оглядывайся

Последняя деревня

К тому времени, когда автобус свернул с шоссе, Злата успела трижды пожалеть о своём решении и дважды убедить себя, что сожалеть, собственно, не о чем. Последнее давалось труднее. За окном тянулись неприветливые сентябрьские поля, на которых давно убрали урожай, и обнажённая земля под низким небом казалась почти чёрной. Изредка попадались деревни с запертыми ставнями и покосившимися сараями, утопавшими в зарослях крапивы; за ними снова начинались поля, а ещё дальше, у самого горизонта, стоял лес. С каждым километром он подступал ближе, пока наконец не сомкнулся по обе стороны дороги, оставив над автобусом лишь узкую полосу неба. Злата оторвалась от телефона, на котором безуспешно пыталась загрузить карту, и прижалась виском к холодному стеклу. В отражении мелькнуло её собственное лицо — бледное после бессонной ночи, с упрямо сведёнными бровями и выбившейся из причёски прядью. Вид у неё был такой, словно она ехала не собирать фольклор, а на похороны дальнего родственника, которого никогда не любила.

Впрочем, путешествие действительно начиналось неудачно. На автовокзале выяснилось, что автобус до Бережков ходит только трижды в неделю, причём до самой деревни не доезжает. Кассирша, услышав название, посмотрела на Злату поверх очков и поинтересовалась, не ошиблась ли та населённым пунктом. Потом спросила, к кому она едет, надолго ли и неужели в городе больше нечем заняться. Злата терпеливо ответила на всё, хотя последнее замечание показалось ей особенно несправедливым. В городе было чем заняться. Именно поэтому она и хотела из него уехать.

Две недели вдали от университета, общежитских разговоров, материнских звонков и бесконечного шума машин представлялись ей почти неприличной роскошью. Можно будет вставать рано, ходить по деревне, разговаривать со стариками, записывать истории, которые ещё никто не успел превратить в безликие пересказы для школьных сайтов. А по вечерам — разбирать записи в тишине, с чашкой горячего чая, под стук дождя по крыше. Злата даже взяла с собой книгу, до которой не могла добраться с начала лета. Наивность этих ожиданий она осознала примерно на третьем часу дороги, когда автобус затрясло на разбитом асфальте, а пожилая женщина через проход достала из сумки варёное яйцо и принялась чистить его, аккуратно складывая скорлупу в носовой платок.

Злата снова открыла папку с материалами. Среди распечаток, заметок и фотографий старых страниц лежала копия статьи из районного краеведческого сборника. Именно из-за неё она и выбрала Бережки — деревню настолько незначительную, что даже сведения о числе её жителей в разных источниках расходились. Статья называлась «Предания северных поселений» и была написана сухим, обстоятельным языком человека, который не слишком доверял собственным информантам. Между описаниями свадебных обычаев и примет на урожай автор приводил несколько рассказов о Забытом логе, расположенном где-то в окрестных лесах.

Название привлекло Злату прежде самого содержания. Забытый лог. Не Мёртвый, не Чёртов, не Проклятый — именно Забытый, словно речь шла о месте, которое однажды выпало из чьей-то памяти. В одной записи старик рассказывал, что сорок лет ходил через лог в соседнюю деревню, пока однажды привычная дорога не привела его к болоту. В другой упоминалась женщина, отправившаяся за грибами и вернувшаяся домой с убеждением, будто провела в лесу три дня, хотя отсутствовала всего несколько часов. Третья история была совсем короткой: мальчик услышал, как его зовёт покойная мать, и пошёл на голос. Его нашли на следующее

утро у старой берёзы, без обуви и с ободранными до крови ладонями. На вопросы он отвечал, что мать велела ему не оглядываться.

Последнюю историю Злата перечитала несколько раз. Не потому, что поверила в мёртвую женщину, заманивающую ребёнка в лес. Её интересовал сам запрет, неожиданно возникший в рассказе. Не оглядываться — один из древнейших мотивов, встречавшийся в преданиях совершенно разных народов. Он сопровождал переход из мира живых в мир мёртвых, возвращение из подземного царства, встречу с нечистой силой. Иногда достаточно было одного взгляда назад, чтобы потерять всё, ради чего человек проделал долгий путь. Злата помнила, как впервые прочитала историю об Орфее и рассердилась на него. В детстве ей казалось чудовищной глупостью нарушить единственное условие, от которого зависело счастье. Теперь она понимала, что человек, идущий впереди любимого существа и не слышащий его шагов, рано или поздно обязательно обернётся. Возможно, в этом и заключалась жестокость подобных сказаний: запрет требовал от человека не послушания, а невозможного.

Автобус резко затормозил, и папка съехала с колен. Злата успела поймать листы прежде, чем они разлетелись по грязному полу. Водитель, не оборачиваясь, объявил Бережки и открыл двери. Она недоверчиво посмотрела в окно. Никакой деревни поблизости не было: только узкая дорога, уходившая между соснами, да ржавый указатель, накренившийся к канаве. Злата подняла рюкзак, вытащила из-под сиденья чемодан и с трудом протиснулась к выходу.

На улице пахло влажной корой и прелыми листьями. После душного салона воздух показался необыкновенно свежим, но уже через минуту Злата застегнула куртку до горла. Автобус уехал, оставив её одну посреди пустой дороги. Несколько секунд она смотрела ему вслед, испытывая нелепое желание побежать за ним и попросить водителя подбросить хотя бы до первого дома. Потом поправила лямку рюкзака, подошла к указателю и прочитала название деревни.

БЕРЕЖКИ — 4 КМ.

Под ним, на металле, кто-то процарапал два слова: *НЕ ХОДИ*.

Буквы были неровными и глубокими. На последней, там, где остриё соскользнуло, осталась длинная косая борозда. Злата провела по ней пальцем и ощутила подушечкой шероховатый край ржавчины. Вероятно, надпись оставили местные подростки, которым, как и всем подросткам в небольших поселениях, решительно нечем было заняться. Она достала телефон, сфотографировала указатель и отправила матери сообщение о благополучном прибытии. Сообщение долго оставалось неотправленным, затем исчезло с экрана, так и не показав привычной отметки доставки.

Дорога в Бережки оказалась хуже, чем Злата ожидала. Колёса чемодана то и дело вязли в песке, цеплялись за мелкие камни, а однажды застряли между корней, выступавших из земли. Пришлось остановиться, наклониться и с раздражением выдёргивать чемодан, едва не порвав ручку. От постоянного усилия ныла кисть. Ей хотелось пить, но бутылка лежала на дне рюкзака, под ноутбуком и свитером, и ради неё пришлось бы устраивать целую экспедицию. Злата решила потерпеть до деревни.

Лес вокруг был старый, преимущественно хвойный. Высокие сосны стояли далеко друг от друга, но между ними теснились молодые ели, не пропускавшие света. На поваленных стволах разрастался мох, такой густой и мягкий на вид, что хотелось провести по нему ладонью. Изредка среди деревьев попадались берёзы, уже тронутые желтизной. Их белые стволы казались особенно яркими в глубине чащи, словно кто-то расставил там тонкие свечи. Злата замедлила шаг. Она любила лес, хотя в последние годы бывала в нём редко, и теперь с удивлением обнаружила, как быстро городская привычка к постоянному шуму уступает место другому способу слушать. Сначала ей казалось, что вокруг совершенно тихо. Потом стали различимы шорох сухой хвои под ногами, редкий стук дятла, тяжёлое падение шишки, скрип стволов, которые ветер раскачивал где-то высоко над головой.

На одном из деревьев Злата заметила узкую красную ленту. Она была привязана к нижней ветке ели и выцвела почти до бурого цвета. Чуть дальше висела вторая, затем третья. Злата остановилась, пытаясь понять, зачем их развесили. Возможно, отмечали дорогу к ягодным местам или старую лесную тропу. Впрочем, ленты были слишком ветхими для недавней разметки, а некоторые почти вросли в кору. На мгновение ей вспомнились рассказы о деревьях, которым приносили подношения, привязывая к ветвям лоскуты ткани. Подобные обычаи сохранялись гораздо дольше, чем принято было думать. В иной деревне уже не помнили, кому и зачем оставляют ленточки, но продолжали делать это по привычке, потому что так поступали матери и бабушки.

Она сделала несколько фотографий. Потом, сама не зная зачем, оглянулась.

Дорога позади была пуста. Далеко между деревьями белело пятно неба. Злата посмотрела на телефон: связь исчезла окончательно. Она убрала его в карман и пошла дальше, стараясь не обращать внимания на смутное ощущение, будто с тех пор, как она остановилась у лент, лес сделался внимательнее к её присутствию.

Это было глупо. Лес не мог быть внимательным, как не могла быть внимательной гора или река. Однако человеческий разум охотно наделял намерениями всё, чего не понимал, и Злата прекрасно знала об этой особенности. Вероятно, именно из неё когда-то родились лешие, водяные и полуденницы. Невозможно веками жить рядом с тёмной чащей, не вообразив, что в ней кто-то обитает. Особенно если лес отнимал людей, а объяснить их исчезновение было нечем.

Она попыталась вспомнить, что именно говорил в своей статье краевед о Забытом логе, но мысли то и дело возвращались к мальчику, услышавшему голос умершей матери. Злата не знала, сколько ему было лет, и это досадное упущение раздражало её больше, чем следовало. Семь? Десять? Достаточно взрослый, чтобы понимать, что мать умерла, или ещё маленький, чтобы поверить в её возвращение? А может, никакого мальчика вовсе не существовало, и историю придумали, чтобы дети не уходили далеко от деревни.

Она так увлеклась этими размышлениями, что не сразу заметила, как изменилась дорога.

Впереди она разделялась надвое. Широкая колея продолжалась прямо, а в сторону уходила узкая, почти заросшая тропа. Злата была уверена, что на распечатанной карте никакой развилки не значилось. Она достала листок из бокового кармана рюкзака, разгладила его на крышке чемодана и некоторое время пыталась сопоставить изгибы нарисованной дороги с тем, что видела перед собой. Прямой путь выглядел очевидным, но именно эта очевидность почему-то не успокаивала.

Слева, за деревьями, раздался тихий звук.

Злата подняла голову. Сперва ей показалось, что это птица, потом — что скрипнула ветка. Но звук повторился, и теперь в нём отчётливо слышалось нечто похожее на человеческий смех. Короткий, приглушённый, словно кто-то засмеялся и поспешно прикрыл рот ладонью.

— Есть кто-нибудь? — спросила она, прежде чем успела подумать, стоит ли вообще это делать.

Никто не ответил.

Злата постояла ещё немного. На тропе лежала хвоя, между деревьями темнели папоротники, над которыми висела тонкая паутина. Ничего необычного. Она уже собиралась идти дальше, когда из чащи донёсся голос.

— Злата.

Имя прозвучало так тихо, что она не могла поручиться, действительно ли услышала его. Скорее, различила знакомые звуки среди шелеста ветвей, а остальное додумала сама. И всё же холод, пробежавший вдоль позвоночника, был совершенно настоящим.

Она повернула голову в сторону леса, но не увидела никого.

— Очень смешно, — сказала Злата.

Слова прозвучали неестественно громко.

Ей захотелось немедленно уйти, и это желание рассердило её. Она терпеть не могла собственную внушаемость, особенно когда могла объяснить её происхождение. Стоило начитаться историй о лесных голосах, и любой случайный звук приобретал значение. Если бы она приехала сюда изучать, скажем, традиции пчеловодства, то сейчас наверняка размышляла бы о местных пасеках, а не прислушивалась к шорохам в кустах.

Злата решительно свернула на широкую дорогу. Несколько минут она шла быстро, почти не глядя по сторонам, пока дыхание не сбилось, а чемодан не начал особенно раздражающе стучать по камням. Лишь тогда она позволила себе остановиться и оглянуться на развилку.

За спиной тянулась прямая дорога.

Никакой развилки видно не было.

Злата нахмурилась. Она прошла уже достаточно далеко, чтобы поворот мог скрыться за деревьями. В этом не было ничего странного. И всё-таки некоторое время она смотрела назад, пытаясь разглядеть между стволами место, где только что стояла.

Потом убрала волосы с лица и пошла дальше.

Бережки начинались с маленького кладбища.

Злата увидела его прежде домов: за низкой оградой, почти утонувшей в зарослях шиповника, стояли деревянные кресты, накренившиеся от времени, и несколько каменных надгробий. На одном из них сохранилась овальная фотография женщины с суровым лицом и высоким воротником платья. Снимок был настолько старым, что черты почти стёрлись, оставив лишь тёмные провалы глаз и рта. За кладбищем росли берёзы, а дальше виднелась небольшая церковь с почерневшей луковичной главкой. Её колокольня была лишена креста, и в пустом проёме, где когда-то висел колокол, устроили гнездо птицы.

Злата остановилась у ограды. На нескольких могилах лежали свежие цветы, и это почему-то обрадовало её: после долгой дороги по пустому лесу даже свидетельства чужой скорби казались признаками жизни. Она сделала фотографию церкви, решив позже расспросить хозяйку, когда та была построена и почему её забросили. В старых деревнях нередко сохранялись удивительные вещи, просто потому что у людей не находилось ни денег, ни желания их уничтожать.

Дальше потянулись дома. Большинство стояло вдоль единственной улицы, окружённой яблонями, сиренью и заборами, за которыми виднелись огороды. Где-то сушилось бельё, на крыльце одного дома лежала рыжая кошка, а из распахнутой форточки доносился запах жареного лука. Несколько изб были заброшены. Их окна заколотили досками, крыши просели, и молодые берёзки успели вырасти вплотную к стенам. На одном доме сохранились резные наличники с причудливыми птицами и завитками; дерево почернело, но тонкая работа мастера всё ещё угадывалась под слоями старой краски. Злата задержалась возле него дольше, чем собиралась. Ей нравились такие дома — не красивые в привычном смысле, а хранящие следы чьей-то давно закончившейся жизни.

Прасковья Андреевна жила на окраине, в доме с голубыми ставнями и высокой крышей, под которой виднелось маленькое чердачное окно. У калитки росла рябина. Её ветви, тяжёлые от ягод, почти касались земли, а под ними стояла старая скамья, покрытая лишайником. Злата постучала в калитку, подождала, затем позвала хозяйку по имени. За домом что-то звякнуло, послышались шаги, и на крыльцо вышла пожилая женщина.

Она оказалась совсем не такой, какой Злата представляла её по телефону. Голос у Прасковьи Андреевны был мягкий, даже ласковый, и Злата ожидала увидеть полную, добродушную старушку, непременно в платке. Вместо этого перед ней стояла высокая для своих лет женщина с сухим лицом, прямой спиной и внимательными серыми глазами. Волосы, почти совершенно белые, были собраны в тугой узел. На ней было простое тёмное платье, а поверх него — выцветшая шерстяная кофта с аккуратно заштопанным рукавом.

Хозяйка долго разглядывала гостью, прежде чем открыла калитку. Не враждебно, скорее с той осторожностью, с какой люди встречают человека, о котором знают лишь по нескольким телефонным разговорам. Потом взгляд её упал на чемодан, испачканный песком, и лицо смягчилось.

— Умаялась, поди. Идём, чай согрею.

В доме было тепло. Пахло сушёными травами, яблоками и печным дымом, хотя самой печи Злата сначала не увидела. В сенях висели пучки полыни и зверобоя, перевязанные нитками; у порога стояли мужские сапоги, давно не ношенные, судя по толстому слою пыли. На кухне у окна располагался большой стол, покрытый клеёнкой с поблёкшими цветами. Над ним висели часы в деревянном корпусе, а рядом — несколько старых фотографий. На одной молодая Прасковья Андреевна стояла возле мужчины в военной форме, на другой была запечатлена группа людей перед тем самым храмом, который Злата видела у кладбища. Тогда на колокольне ещё был крест.

Пока хозяйка возилась с чайником, Злата вымыла руки, переоделась в сухой свитер и с благодарностью приняла чашку горячего чая. После дороги она вдруг ощутила такой голод, что даже простой хлеб с маслом показался ей невероятно вкусным. Прасковья Андреевна поставила перед ней тарелку с пирогами, расспросила об учёбе, о дороге, о том, как живётся в большом городе. В её вопросах не было праздного любопытства. Она словно пыталась понять, что за человек приехал в её дом и чего от него следует ожидать.

Злата отвечала охотно. Она рассказала о кафедре, о своей работе, о старых записях, которые надеялась дополнить. Когда речь зашла о местных преданиях, хозяйка некоторое время слушала молча, разламывая пирог на мелкие кусочки. Лишь после упоминания Забытого лога подняла глаза.

— И про него, значит, читала?

Злата кивнула и достала из сумки копию статьи. Прасковья Андреевна не взяла листы, только посмотрела на заголовок. Злата заметила, как изменилось её лицо: не испугалось, не нахмурилось, но словно утратило ту непринуждённость, с которой она только что говорила о соседях и урожае яблок.

— Старые это истории, — произнесла хозяйка. — И не все их к добру вспоминают.

Злата хотела спросить, что именно она имеет в виду, но вовремя удержалась. За годы учёбы она усвоила, что прямые вопросы редко помогают разговорить человека, который не желает рассказывать. Гораздо полезнее бывает позволить ему самому выбрать, с чего начать. Поэтому она только отпила чай и сказала, что больше всего её интересуют местные особенности известных сказаний — слова, имена, запреты, которые в других местах могли звучать иначе.

Прасковья Андреевна выслушала объяснение и долго смотрела в окно. За стеклом медленно темнел сад. Ветер трогал ветви рябины, и красные гроздья то появлялись, то исчезали за оконной рамой.

— Запретов у нас много было, — сказала она наконец. — Теперь-то мало кто помнит. Раньше детям велели в лесу на чужой зов не откликаться. Даже если по имени кличут. Особенно если по имени.

Злата почувствовала, как неприятно сжалось что-то под рёбрами. Она сразу вспомнила дорогу, развилку и голос, который, возможно, лишь почудился ей. Совпадение было слишком удачным, чтобы не показаться смешным, но смеяться почему-то не хотелось.

— А почему именно по имени? — спросила она, стараясь говорить спокойно.

— Потому что своё имя человек всегда услышит.

Прасковья Андреевна произнесла это просто, без всякой таинственности. Затем добавила, что прежде в деревне не разрешали свистеть после заката, оставлять на ночь открытыми окна и подбирать найденные на лесной дороге вещи. Особенно зеркала, гребни и украшения.

Откуда взялись эти запреты, она уже не помнила. Так говорила её бабка, а бабке — её собственная мать. Злата записывала торопливо, едва успевая задавать уточняющие вопросы. Иногда хозяйка замолкала на полуслове, вспоминая забытое выражение, и тогда Злата терпеливо ждала, наблюдая, как та перебирает пальцами край скатерти.

Когда речь снова зашла о лесе, Прасковья Андреевна покачала головой.

— Ты туда одна не ходи. Здесь чужому легко заплутать.

— Я осторожно. И далеко не собираюсь.

— Дело не в том, далеко или близко.

Она встала, чтобы убрать со стола, и некоторое время возилась у буфета, повернувшись к Злате спиной. Та уже решила, что разговор окончен, когда хозяйка негромко добавила:

— Лес никогда не ведёт одной дорогой дважды.

Злата записала эти слова отдельно.

Они показались ей удивительно точными. В них было нечто большее, чем обычное предостережение заблудившемуся путнику. Дорога предполагала постоянство: если пройти по ней однажды, можно вернуться тем же путём. Здесь же само это представление словно отвергалось. Не человек терял дорогу — дорога отказывалась повториться.

Она хотела попросить Прасковью Андреевну объяснить поговорку, но та уже принялась рассказывать, где находится колодец и в какие дни приезжает продуктовая лавка. Злата не стала настаивать.

К вечеру небо затянуло тучами. Сначала они собирались над лесом, оставляя над деревней узкую полоску бледного света, потом сомкнулись и над крышами. В комнате на втором этаже сделалось сумрачно задолго до заката. Злата зажгла настольную лампу, разложила записи и некоторое время пыталась привести их в порядок, но усталость после дороги мешала сосредоточиться. Буквы расплывались, а мысли то и дело возвращались к голосу в лесу.

Она досадовала на себя. Неужели достаточно нескольких часов в незнакомом месте, чтобы начать видеть дурные предзнаменования в каждой мелочи? Если бы кто-нибудь из однокурсников рассказал ей подобную историю, она наверняка нашла бы десяток объяснений. Ветер, птица, слуховая иллюзия, наконец, обычный человеческий голос, донёсшийся издалека. Всё это было куда вероятнее, чем существо, притаившееся между соснами и почему-то знавшее её имя.

Злата отложила ручку и подошла к окну.

Сверху Бережки выглядели почти игрушечными. Улица, протянувшаяся между низкими домами, была пуста; над заборами поднимались яблони, на огородах чернели влажные грядки. В некоторых окнах уже горел свет. На соседнем участке женщина собирала бельё с верёвки, торопливо прижимая простыни к груди, чтобы их не подхватил ветер. Чуть дальше мальчишка гнал перед собой велосипед с погнутым колесом. Всё было обыкновенным, знакомым, даже уютным. И всё-таки Злата поймала себя на том, что смотрит не на дома, а дальше, за их крыши, туда, где начинался лес.

В сумерках он казался сплошной чёрной стеной. Отдельные деревья уже невозможно было различить, лишь верхушки сосен выступали неровными зубцами на фоне неба. Где-то там, за ними, находился Забытый лог. Возможно, совершенно непримечательная низина, поросшая осокой, куда местные жители не ходили из-за болотистой почвы. А возможно, место, вокруг которого за многие поколения сложилось столько историй, что сами жители перестали отделять вымысел от действительности.

Злата подумала, что хотела бы увидеть его своими глазами. Не ради мистики — просто чтобы понять, почему именно этот клочок леса оказался достоин собственной легенды.

Снизу донёсся смех.

Она перевела взгляд на улицу. Возле соседнего забора стоял молодой человек, а у его ног вертелась небольшая лохматая собака. Незнакомец держал в руке какую-то вещь, по-види-

мому, только что отобранную у животного, и с серьёзным видом её рассматривал. Собака подпрыгивала, пытаясь вернуть добычу. Молодой человек поднял её повыше, что-то сказал, и по тому, как он развёл руками, Злата догадалась, что между ними разыгрывается целая сцена.

Она невольно улыбнулась.

Незнакомец был светловолосым, в белой рубашке с расстёгнутым воротом, слишком лёгкой для такого вечера. Он двигался с беспечной ловкостью человека, которому никогда не приходилось задумываться, куда поставить ногу или как повернуться. Даже с расстояния в несколько десятков шагов было видно, что он красив — не той холодной, безупречной красотой, которая заставляет чувствовать себя неловко, а живой и немного мальчишеской. Когда собака наконец сумела выхватить у него вещь и бросилась прочь, он рассмеялся, запрокинув голову.

Злата уже собиралась отойти от окна, когда незнакомец посмотрел прямо на неё.

Она замерла, неожиданно смутившись. Взгляд его был слишком точным, словно он давно знал, за каким именно окном следует искать гостью. Потом он улыбнулся и поднял руку в приветствии.

Злата ответила коротким взмахом ладони.

Молодой человек что-то произнёс, но слов она не расслышала. Пришлось приоткрыть окно. В комнату сразу ворвался холодный воздух, пахнущий дождём и дымом.

— Вы к Прасковье Андреевне? — спросил он снизу.

Злата кивнула.

— Да. Сегодня приехала.

— Тогда добро пожаловать в Бережки. Надолго к нам?

— На две недели.

Он присвистнул, и в этом звуке было столько искреннего удивления, что Злата снова улыбнулась.

— Смелая вы девушка.

— Почему?

— У нас тут развлечений немного.

— Мне они и не нужны. Я собираю местные предания.

Незнакомец посмотрел на неё с новым интересом. Он подошёл ближе, остановился у калитки и облокотился на неё, словно разговор предстоял долгий и торопиться ему было совершенно некуда.

— Сказки, значит?

— В том числе.

— А сами в них верите?

Вопрос был задан без насмешки. Злата задумалась. Ей не хотелось отвечать привычным «конечно нет», хотя именно такой ответ был бы самым простым. Она не верила в Кощея Бессмертного, леших или говорящих животных. Но верила, что сказки способны пережить своих рассказчиков, изменить чужие судьбы, заставить людей бояться леса, в котором ничего нет. Разве это не было своего рода волшебством?

— Я верю, что у каждой сказки есть причина, по которой её продолжают рассказывать, — сказала она наконец.

Незнакомец некоторое время смотрел на неё, а потом рассмеялся.

— Хороший ответ. Осторожный.

— А вы ожидали другого?

— Я много чего ожидаю.

Он произнёс это с такой лёгкостью, что Злата не придала словам значения. Только позже ей вспомнится, как уверенно он стоял под её окном, словно встреча была не случайностью, а давно назначенным свиданием.

Собака тем временем вернулась и принялась тереться о его ноги. Незнакомец наклонился, потрепал её за ушами и, выпрямившись, представился:

— Иван.

— Злата.

— Знаю.

Она удивлённо подняла брови.

Иван на мгновение замолчал, потом улыбнулся ещё шире.

— Прасковья Андреевна говорила, что ждёт гостью. У нас новости быстро расходятся.

Объяснение было вполне разумным. В деревне, где оставалось всего несколько десятков жителей, появление приезжей студентки наверняка представляло событие. Злата уже собиралась спросить, давно ли Иван живёт в Бережках, когда за её спиной послышались шаги.

Прасковья Андреевна вошла в комнату с чистым полотенцем в руках. Увидев открытое окно, она нахмурилась, а затем проследила за взглядом Златы.

Внизу Иван поднял голову и приветливо помахал ей.

Хозяйка не ответила.

— Закрывай, — сказала она. — Ночь холодная будет.

Злата послушалась, хотя и почувствовала лёгкое раздражение от того, что с ней обращаются как с ребёнком. Когда створка встала на место, Иван всё ещё стоял у калитки. Он улыбнулся ей в последний раз, свистнул собаке и направился вдоль улицы, небрежно засунув руки в карманы.

Прасковья Андреевна проводила его взглядом.

— Знакомы? — спросила Злата.

— Теперь, видно, знакомы.

— Он всегда такой разговорчивый?

Хозяйка положила полотенце на спинку стула и принялась поправлять покрывало, хотя оно лежало совершенно ровно. Злата заметила эту ненужную возню, но промолчала.

— Язык у него подвешен хорошо, — сказала Прасковья Андреевна. — Только ты всему, что он говорит, не верь.

— Почему?

— Потому что Иванушка он.

Злата усмехнулась.

— А отчество у него есть?

— Есть, поди.

Хозяйка наконец оставила покрывало в покое и направилась к двери. Уже на пороге она остановилась, словно решая, стоит ли говорить что-то ещё.

— Дурачком его кличут, — произнесла она негромко. — Да только не всякий дурак глуп.

Она вышла, прикрыв за собой дверь.

Злата осталась стоять у окна. Ей хотелось рассмеяться над этой странной характеристикой, но в голосе Прасковьи Андреевны не было ни насмешки, ни раздражения. Скорее что-то похожее на старую, давно утомившую её тревогу.

За стеклом окончательно стемнело. Фонарь у соседнего дома осветил узкий круг земли, мокрые доски забора и ветви рябины, шевелившиеся на ветру. Иван исчез за поворотом, собака тоже. Вдалеке, над лесом, беззвучно вспыхнула зарница.

Злата закрыла шторы и вернулась к столу. На раскрытой странице блокнота стояли слова, записанные днём со слов хозяйки:

Лес никогда не ведёт одной дорогой дважды.

Она перечитала их и вдруг вспомнила развилку, исчезнувшую из виду так быстро, что ей не удалось найти её даже взглядом. Вспомнила голос, назвавший её по имени, и улыбку Ивана, который, едва услышав её имя, сказал, что уже знает его.

Совпадения, конечно.

Злата закрыла блокнот, но не убрала его со стола. Завтра предстояло многое сделать: осмотреть деревню, расспросить соседей, узнать дорогу к старой церкви и, если позволит погода, пройтись до опушки. Возможно, Иван согласится показать ей окрестности. Он производил впечатление человека, которому приятно быть полезным, особенно если за это его будут слушать.

Эта мысль почему-то развеселила её. Она представила, как расскажет однокурснице, что в первый же вечер познакомилась в глухой деревне с настоящим Иванушкой-дурачком. Та непременно решит, что Злата всё выдумала.

За окном зашумел дождь.

Сначала отдельные капли ударяли по подоконнику, потом зашелестели по крыше, и вскоре весь дом наполнился ровным, убаюкивающим звуком. Злата погасила лампу и легла, натянув одеяло до подбородка. Усталость наконец взяла своё. Сквозь дремоту она ещё слышала, как внизу Прасковья Андреевна запирает дверь, как скрипят старые половицы, как где-то в саду стучит о стену незакреплённая ветка.

Уже почти заснув, Злата вспомнила, что не спросила у хозяйки, почему деревня называется Бережками.

Слово казалось ласковым, домашним. В нём слышались берег, беречь, оберегать. Но никакой реки по дороге она не заметила, а ближайший водоём, судя по карте, находился в нескольких километрах отсюда.

Завтра спрошу, — подумала она.

Внизу глухо ударили часы.

Злата прислушалась, машинально считая удары. Их оказалось одиннадцать, хотя на телефоне перед сном было только половина десятого.

Она перевернулась на другой бок и закрыла глаза.

Дождь продолжал стучать по крыше. За стеной тихо потрескивало дерево. В доме пахло сухими травами, а сквозь неплотно сомкнутые шторы проникал слабый свет фонаря.

Ей снилась дорога.

Она шла по ней долго, не чувствуя усталости, и всё вокруг было таким же, как днём: сосны, мокрая хвоя, красные ленточки на ветвях. Только небо над деревьями оставалось совершенно чёрным, без единой звезды. Где-то впереди звучал знакомый голос, и Злата торопилась к нему, хотя никак не могла вспомнить, кому он принадлежит.

Потом дорога кончилась.

Перед ней стояло зеркало в тяжёлой потемневшей раме. Оно висело между двумя соснами, ничем не закреплённое, и отражало не её лицо, а длинную лесную тропу, уходившую в туман.

Из глубины отражения кто-то позвал:

— Злата.

Она сделала шаг ближе.

И проснулась от собственного движения.

В комнате было темно. Дождь прекратился. За окном не слышалось ничего, даже ветра. Злата лежала неподвижно, ощущая, как быстро бьётся сердце, и пыталась вспомнить сон целиком. Но образы уже рассыпались: остались лишь чёрное небо, мокрые деревья и зеркало, в котором почему-то не было её отражения.

Она потянулась за телефоном.

Три часа семнадцать минут.

На экране светилось сообщение от матери, отправленное ещё вечером:

Позвони завтра. И будь осторожна.

Злата хотела ответить, но заметила, что связь снова пропала. Она положила телефон на тумбочку и уже собиралась закрыть глаза, когда услышала за окном негромкий стук.

Один раз.

Потом ещё два.

Она повернула голову.

В темноте невозможно было различить, что находится за стеклом. Только занавеска слегка колыхалась, хотя окно было закрыто.

Злата некоторое время смотрела на неё, ожидая повторения звука. Потом поднялась, подошла к окну и осторожно отодвинула край ткани.

За стеклом никого не было.

Внизу чернел сад, дальше — улица и пустой круг света под фонарём. На ветке рябины сидела крупная птица. Она повернула голову, и Злата увидела два маленьких блестящих глаза.

Ветка качнулась.

Птица расправила крылья и бесшумно исчезла в темноте.

Злата опустила штору.

Она не знала, что именно разбудило её — сон, птица или обычный стук ветки. И не собиралась выяснять. В конце концов, на дворе была ночь, она находилась в незнакомом доме, а завтра ей предстоял долгий день.

Вернувшись в постель, Злата натянула одеяло и закрыла глаза.

На этот раз сон пришёл быстро.

А утром она обнаружила на наружном подоконнике три длинные царапины, оставленные чем-то острым.

Они шли параллельно друг другу, от самого края к стеклу.

И заканчивались ровно там, где ночью лежала её ладонь.

Иванушка-дурачок

Утром Бережки пахли дымом, сырой землёй и печёными яблоками. Ночной дождь вымыл улицу, оставив в колеях неглубокие лужи, в которых отражалось бледное сентябрьское небо. Над огородами поднимался туман, тонкий и белёсый, будто кто-то разложил между грядками мокрую марлю. С крыш ещё капала вода, и каждый раз, когда ветер задевал ветви рябины, на крыльцо сыпались тяжёлые холодные капли. Злата стояла у открытого окна, придерживая одной рукой раму, а другой пытаясь сфотографировать три царапины на наружном подоконнике. При дневном свете они выглядели гораздо менее зловеще, чем в первые минуты после пробуждения. Дерево было старым, краска местами облупилась, и вполне возможно, что следы оставила птица, замеченная ею ночью. Правда, для птичьих когтей царапины казались слишком длинными, а расстояние между ними — подозрительно ровным.

Она сделала ещё один снимок и убрала телефон. Разглядывать повреждённый подоконник было занятием не особенно достойным человека, который приехал в деревню с научными целями. Тем более что за окном уже светило солнце, на соседнем дворе кудахтали куры, а по улице, осторожно обходя лужи, шла женщина с металлическим ведром. Всё вокруг выглядело до такой степени обыкновенным, что ночной сон о зеркале и лесной дороге начинал казаться следствием усталости, тяжёлого ужина и слишком впечатлительного воображения. Злата даже испытала некоторое разочарование. Вчерашний вечер обещал загадку, а утро предлагало ей старую краску и птицу с дурными манерами.

Она оделась, собрала волосы и спустилась на кухню. Прасковья Андреевна уже успела растопить печь, вынести золу и поставить тесто. На столе стояли миска с творогом, тарелка румяных оладий и небольшая банка варенья, густого, почти чёрного. Хозяйка сидела возле окна, перебирая сушёные грибы, и не сразу подняла голову, когда Злата вошла. От её движений исходило то спокойствие, которое бывает у людей, проживших много лет в одном доме: она могла бы, наверное, отыскать здесь любую вещь с закрытыми глазами, а каждое утро её начиналось с действий, не требовавших ни размышлений, ни решений.

Злата пожелала доброго утра, налила себе чаю и села напротив. Ей хотелось сразу спросить о ночной птице, но разговор сам собой повернул к погоде, предстоящему похолоданию и местным жителям, которые могли бы рассказать что-нибудь полезное для её работы. Прасковья Андреевна назвала несколько имён, предупредила, что Марфа Семёновна плохо слышит на левое ухо, а Егор Петрович любит приврать, особенно после обеда, и посоветовала начать со старой церкви. Там, по её словам, сохранились надгробные плиты с дореволюционными надписями и деревянные кресты, которые никто не решался убирать.

— А почему не решались? — спросила Злата.

Прасковья Андреевна пожала плечами. Она отломила кусочек оладьи, обмакнула его в варенье и только после этого ответила, что на кладбище лучше ничего не трогать, даже если оно давно заброшено. Сказано это было так буднично, что Злата не сразу поняла, относится ли замечание к суевериям или к обычному уважению к умершим. Она хотела уточнить, но хозяйка уже поднялась из-за стола и принялась искать чистое полотенце.

О ночных царапинах Злата всё-таки рассказала, когда они вместе убирали посуду. Прасковья Андреевна выслушала её, не прерывая, затем попросила показать окно. Они поднялись наверх, и хозяйка долго рассматривала подоконник, опираясь ладонью о раму. Вблизи её лицо казалось ещё более сухим и строгим; глубокие складки у рта придавали ему выражение постоянного недовольства, хотя Злата уже успела заметить, что женщина вовсе не была сварливой.

— Птица, наверное, — сказала Прасковья Андреевна наконец.

— Я тоже так подумала. Только следы странные.

— Всякое бывает.

Она провела пальцем по одной из царапин, и Злата заметила, что хозяйка старается не касаться остальных. Потом старуха закрыла окно, проверила щеколду и неожиданно попросила не оставлять его открытым после заката.

— Из-за холода?

— И из-за него.

Злата посмотрела на неё внимательнее. Ей хотелось спросить, существует ли в Бережках хоть одно предостережение, которое не сопровождалось бы недомолвкой. Но Прасковья Андреевна уже направилась к лестнице, и вопрос остался невысказанным.

К десяти часам солнце окончательно разогнало туман. Злата вышла из дома с рюкзаком, блокнотом и фотоаппаратом, который одолжила у однокурсницы специально для поездки. В кармане лежал список адресов, составленный за завтраком. Она решила сперва осмотреть деревню, затем поговорить с кем-нибудь из старожилов, а ближе к вечеру вернуться к Прасковье Андреевне и расспросить её подробнее о Забытом логе. Заодно следовало выяснить, где находится ближайший магазин и можно ли купить в нём что-нибудь, кроме хлеба, спичек и соли.

Бережки оказались больше, чем показалось ей накануне. За центральной улицей скрывались узкие переулки, заросшие травой, а некоторые дома стояли так далеко друг от друга, что между ними помещались целые яблоневые сады. Большинство построек было деревянным, но попадались и кирпичные, с узкими окнами и высокими трубами. На одном из домов сохранился флюгер в виде петуха, на другом — металлическая табличка с названием улицы, написанным по старой орфографии. Злата долго разглядывала её, пытаясь разобрать потемневшие буквы, и пришла к выводу, что табличку, вероятно, перенесли сюда с какого-то другого здания. Подобные вещи в деревнях случались часто: старые двери становились воротами сараев, надгробные камни использовали при строительстве фундаментов, а резные наличники, снятые с разрушенных домов, десятилетиями хранились на чердаках.

Её особенно заинтересовал дом у самой околицы. Он стоял за высоким забором, почти полностью скрытый разросшимися липами, и выглядел старше остальных. На крыше темнели две узкие слуховые башенки, напоминавшие маленькие готические окна, а над крыльцом сохранился резной деревянный козырёк, украшенный переплетением птиц и змей. Краска давно сошла, и дерево приобрело серебристо-серый оттенок. Злата остановилась напротив, подняла фотоаппарат и попыталась поймать в кадр резьбу, но ветви мешали. Она сделала несколько снимков, затем отошла ближе к воротам.

На столбе висела маленькая железная пластина. Когда-то на ней, вероятно, было выбито имя владельца, однако теперь сохранились лишь несколько букв. Злата наклонилась, чтобы рассмотреть их, и заметила под пластиной узкую щель, забитую сухими листьями. Из щели торчал уголок сложенной бумаги.

Она не собиралась ничего трогать. Во всяком случае, именно так потом объяснила бы своё поведение. Но бумага выглядела старой, почти истлевшей, а любопытство оказалось сильнее благоразумия. Злата осторожно потянула за уголок. Листок не поддался, и ей пришлось воспользоваться кончиком ручки, чтобы вытащить его из щели. Бумага была плотной, пожелтевшей, с тёмными пятнами по краям. На ней сохранились несколько строк, написанных чернилами, расплывшимися от влаги.

Злата смогла разобрать только отдельные слова.

…на исходе лета…

…дороги не узнают…

…не оглядывайся…

Последнее слово заставило её замереть. Она перечитала строку, поднесла листок ближе к глазам и почувствовала знакомое волнение, которое возникало всякий раз, когда случайная находка неожиданно перекликалась с материалами её работы. Возможно, перед ней был фраг-

мент старой записи, связанной с местными поверьями. Возможно, чей-то черновик, письмо или даже детская игра. Но совпадение было слишком любопытным, чтобы оставить бумагу на месте.

Она достала телефон и сфотографировала листок с обеих сторон. Потом осторожно сложила его по старым сгибам, собираясь положить обратно, но в этот момент за спиной раздался голос:

— Если вы ищете клад, то копать надо глубже.

Злата вздрогнула так сильно, что едва не выронила бумагу.

У ворот стоял вчерашний незнакомец.

При дневном свете Иван оказался ещё моложе, чем ей показалось вечером, и, пожалуй, ещё красивее. Волосы у него были светло-русые, почти золотистые на солнце, с мягкими прядями, падавшими на лоб. Глаза — светлые, серо-зелёные, с той переменчивой глубиной, которая заставляет приглядываться, пытаясь определить их цвет. На нём была тёмная жилетка поверх белой рубашки, рукава закатаны до локтей, а на шее висел тонкий шнурок с небольшим металлическим кольцом. Он стоял, небрежно прислонившись плечом к столбу, и смотрел на Злату с таким выражением, словно наблюдал за ней уже некоторое время и находил происходящее весьма занимательным.

— Вы всегда так подкрадываетесь? — спросила она, пытаясь вернуть себе спокойствие.

— Только когда вижу, что человек собирается совершить преступление.

Злата посмотрела на бумагу в своих руках, затем на ворота.

— Я ничего не украла.

— Конечно. Вы просто проверяли, хорошо ли здесь хранится почта.

Он улыбнулся, и Злата против воли ответила улыбкой. Её раздражало, что он так легко заставляет её смеяться. Вчера она списала это на усталость и неожиданность встречи, но теперь приходилось признать, что дело, вероятно, было в самом Иване. Он говорил с той непринуждённостью, которая обычно кажется признаком либо большого обаяния, либо полного отсутствия чувства меры. Злата пока не решила, что именно перед ней.

Она показала ему листок.

— Здесь старый текст. Я пытаюсь разобрать.

Иван подошёл ближе. Он не потянулся за бумагой, только склонил голову, рассматривая расплывшиеся строки. От него пахло свежим воздухом, древесным дымом и чем-то травяным, едва уловимым. Злата заметила, что его руки были загорелыми, с несколькими мелкими царапинами на пальцах, словно он часто работал на улице. На правом запястье виднелся тонкий белый шрам.

— И что написано? — спросил он.

— Почти ничего не разобрать. Но есть слова про дороги.

— Про дороги у нас много пишут.

— Почему?

Он поднял на неё глаза.

— Потому что их мало.

Ответ был настолько очевидным и одновременно бессмысленным, что Злата рассмеялась. Иван выглядел довольным, словно именно этого и добивался. Он предложил показать ей деревню, раз уж она всё равно собиралась гулять, и добавил, что местные старики охотнее разговаривают с теми, кого знают. Злата колебалась недолго. В одиночку ей пришлось бы искать нужные дома, стучаться в незнакомые двери и объяснять каждому, почему она интересуется историями о мертвецах и лесных духах. Иван же, судя по всему, знал здесь всех.

Она вернула бумагу в щель, аккуратно прижав её сухим листом, и сделала пометку в блокноте. Иван наблюдал за её действиями с любопытством, но ничего не сказал. Только когда они отошли от ворот, спросил, не собирается ли она однажды написать книгу о Бережках.

Злата ответила, что для начала ей нужно закончить курсовую работу, а потом, возможно, она подумает о чём-нибудь более серьёзном. Она училась на филологическом факультете, специализировалась на славянской филологии и больше всего интересовалась фольклором. Ради него, собственно, и приехала в Бережки: хотелось записать местные предания не по чужим публикациям, а со слов тех, кто ещё помнил их с детства. Иван слушал внимательно, иногда задавал вопросы, которые казались ей неожиданно точными. Он интересовался, чем отличаются сказки от преданий, почему одни сюжеты повторяются у разных народов и можно ли считать правдой историю, в которую верят несколько поколений. Последний вопрос заставил Злату задуматься. Она объяснила, что вера рассказчика важна для исследователя, но сама по себе не доказывает реальность описанных событий. Иван кивнул, будто услышал именно то, что ожидал.

— Значит, если все в деревне скажут, что в лесу живёт леший, вы всё равно не поверите?

— Я поверю, что в деревне существует такое поверье.

— А если леший сам придёт и представится?

— Попрошу показать документы.

Иван рассмеялся так искренне, что Злата почувствовала неожиданное удовольствие от собственного ответа. Ей нравилось, когда собеседник понимал шутку без необходимости объяснять её. В университете это случалось не так уж часто.

Они шли по узкой улице, минуя дома, огороды и старые сараи. Иван здоровался почти с каждым встречным, иногда останавливался, чтобы перекинуться несколькими словами. У одной калитки он помог пожилой женщине поднять тяжёлое ведро, у другой поймал сбежавшую курицу, которая с отчаянным кудахтаньем пыталась скрыться под забором. Всё это он делал легко, без показной услужливости, словно помощь была для него таким же естественным занятием, как разговоры. Злата наблюдала за ним с растущим интересом. В нём сочетались какая-то удивительная беспечность и внимательность к мелочам. Он мог забыть, о чём говорил минуту назад, но замечал, что у старика развязался ремень на корзине или что ребёнок потерял варежку.

И всё же иногда его поведение казалось ей странным.

Однажды, проходя мимо заброшенного колодца, Иван внезапно замолчал. До этого он рассказывал историю о местном кузнеце, который якобы сумел подковать чёрта, и Злата уже приготовилась услышать очередную нелепую развязку. Но Иван остановился посреди фразы, посмотрел на колодец и на несколько секунд словно забыл о её существовании. Его лицо изменилось: исчезла улыбка, взгляд стал неподвижным и холодным. Злата проследила за ним, но увидела лишь старый деревянный сруб, накрытый перекошенной крышкой. Вокруг росла крапива, на краю лежало ржавое ведро.

— Что там? — спросила она.

Иван моргнул, будто очнулся, и снова улыбнулся.

— Ничего. Просто вспомнил одну историю.

— Про колодец?

— Про глупость. Но её я вам пока не расскажу.

Злата хотела настоять, однако он уже пошёл дальше, и ей пришлось догонять его. Она отметила про себя, что к колодцу стоит вернуться отдельно. Впрочем, почти сразу её внимание отвлекло другое: на углу улицы стояла старая деревянная часовня, настолько маленькая, что внутри едва ли поместились бы три человека. Её дверь была заколочена, а над входом висела потемневшая икона, на которой почти невозможно было различить изображение. Вокруг часовни росли высокие травы, и среди них виднелись несколько камней, похожих на надгробия.

Злата остановилась, чтобы сфотографировать постройку. Иван терпеливо ждал рядом, перебрасывая с ладони на ладонь маленькое яблоко, сорванное по дороге. Когда она спросила,

почему часовня заброшена, он ответил, что раньше здесь молились перед уходом в лес. Потом добавил, что теперь молиться предпочитают дома, поскольку лес всё равно редко прислушивается.

Злата посмотрела на него с недоумением.

— Вы это серьёзно?

— А вы как думаете?

Она не успела ответить. Из-за часовни вышел старик с охапкой сухих веток. Увидев Ивана, он остановился, и на его лице появилось выражение, которое Злата уже замечала у Прасковьи Андреевны: настороженность, смешанная с чем-то похожим на неприязнь. Старик коротко кивнул, не отвечая на приветствие, и поспешил прочь. Иван проводил его взглядом, затем пожал плечами.

— Не все меня любят, — сказал он.

— За что?

— За красоту, наверное. Зависть — страшная вещь.

Злата рассмеялась, но про себя отметила, что старик явно испугался. Или ей снова показалось?

К полудню они добрались до старой церкви.

Вблизи она выглядела ещё печальнее, чем издалека. Кирпичные стены покрылись тёмными потёками, штукатурка осыпалась, обнажив неровную кладку. В некоторых местах между кирпичами проросла трава, а по карнизам тянулись тонкие корни молодых берёзок. Дверь была заперта тяжёлой цепью, но одно из боковых окон оставалось открытым, и сквозь него виднелась внутренняя темнота. На стенах ещё сохранились фрагменты росписей: бледные лица святых, золотистые нимбы, обрывки синих и красных одежд. Время стерло большую часть изображений, и от этого они казались особенно печальными, словно сами святые постепенно исчезали из мира, которому больше не были нужны.

Злата долго ходила вокруг здания, фотографируя детали. Иван не мешал ей, только иногда указывал на что-нибудь любопытное: старую надпись на кирпиче, вырезанный крест, камень с едва заметным орнаментом. Он явно знал церковь лучше, чем можно было ожидать от человека его возраста. Когда Злата спросила, откуда ему известны такие подробности, Иван ответил, что в детстве часто здесь бывал. Она хотела уточнить, сколько лет назад это было, но он отвлёкся на ворону, усевшуюся на колокольне, и принялся изображать её карканье с таким усердием, что птица возмущённо вспорхнула и улетела.

— Вы совершенно невозможный человек, — сказала Злата, не удержавшись от улыбки.

— Мне часто это говорят.

— И вы гордитесь?

— А чем ещё гордиться, если ума не нажил?

Он произнёс это весело, но Злата вдруг вспомнила слова Прасковьи Андреевны. *Дурачком его кличут.* Возможно, Иван и сам привык к прозвищу настолько, что превратил его в часть собственного обаяния. Она попыталась представить, каким он был ребёнком: светловолосым, неугомонным, постоянно попадающим в неприятности и выходящим из них благодаря улыбке. Представить оказалось удивительно легко.

Они сели на низкую каменную ограду у кладбища. Иван достал из кармана яблоко, разломил его пополам и протянул одну часть Злате. Она приняла угощение, хотя обычно не ела немытые фрукты, и с удивлением обнаружила, что яблоко сладкое, с лёгкой кислинкой, пахнущее настоящим осенним садом. Несколько минут они молчали, глядя на старые могилы и деревья, между которыми медленно двигались солнечные пятна.

Злата чувствовала себя странно спокойно. Она приехала сюда работать, а вместо этого сидела на кладбищенской ограде с едва знакомым молодым человеком и ела яблоко. В другом месте подобная беспечность показалась бы ей непозволительной, но Бережки словно суще-

ствовали вне привычного распорядка. Здесь время измерялось не занятиями, встречами и сообщениями, а движением солнца, звоном посуды, запахом дыма из труб. Ей нравилось это ощущение, хотя она понимала, что оно обманчиво. Для местных жителей деревенская жизнь наверняка была куда менее романтичной, чем для приезжей студентки с обратным билетом.

Иван первым нарушил молчание.

— А зачем вам всё это на самом деле?

Злата повернулась к нему.

— Что именно?

— Сказки. Старые дома. Могилы. Вы ведь могли выбрать что-нибудь повеселее.

Она задумалась. Вопрос был простым, но ответить на него оказалось неожиданно трудно. Можно было сказать о курсовой, научном интересе, редких источниках. Всё это было правдой, но не всей. С детства её притягивали истории, в которых за привычным миром скрывался другой — опасный, прекрасный и совершенно равнодушный к человеческим представлениям о справедливости. Ей нравились сказки не за счастливые концовки, а за их жестокую честность. В них люди теряли детей, заключали сделки с чудовищами, нарушали запреты и расплачивались за собственные желания. Даже самые прекрасные чудеса редко доставались даром.

Она рассказала Ивану об этом, подбирая слова медленно, не желая превращать признание в университетскую лекцию. Он слушал без улыбки, и это было непривычно. В его лице появилось выражение сосредоточенного внимания, почти серьёзности, которое делало его старше. Злата вдруг подумала, что за всей его шутливостью скрывается человек, способный понимать гораздо больше, чем показывает.

— Значит, вам нравятся страшные сказки, — сказал он, когда она закончила.

— Не только страшные.

— Но те, где всё хорошо, кажутся скучными?

— Иногда. Особенно если всё хорошо просто потому, что так положено.

Иван посмотрел на остаток яблока в своей руке.

— А если в сказке всё плохо, но человек всё равно счастлив?

Злата нахмурилась.

— Это зависит от того, что вы называете счастьем.

Он улыбнулся, но на этот раз как-то устало.

— Вот и я не знаю.

На несколько мгновений между ними повисла тишина. Злата не стала её нарушать. Ей показалось, что Иван сказал больше, чем собирался, и теперь сам не вполне доволен собственными словами. Она уже хотела перевести разговор на что-нибудь нейтральное, когда он поднялся с ограды и протянул ей руку.

— Пойдёмте. Я вам ещё кое-что покажу.

Злата посмотрела на его ладонь, затем на него. В обычной ситуации она, вероятно, поднялась бы сама. Но сейчас почему-то позволила ему помочь. Его пальцы были тёплыми и сильными, а прикосновение — коротким, почти небрежным. И всё же, когда он отпустил её руку, Злата неожиданно почувствовала лёгкое сожаление.

Она рассердилась на себя за эту мысль.

Иван повёл её по тропинке, огибавшей кладбище и уходившей к лесу. Сначала Злата не придала этому значения: за оградой виднелись старые каменные кресты, несколько разрушенных памятников и заросший фундамент, который вполне мог принадлежать часовне или сторожке. Но вскоре дома остались позади, а тропинка стала уже. Под ногами зашуршала хвоя, воздух похолодел, и между деревьями снова появился знакомый влажный сумрак.

Злата остановилась.

— Куда мы идём?

Иван обернулся. Он стоял на несколько шагов впереди, придерживая ветку, чтобы она не ударила её по лицу. Солнечный свет пробивался сквозь кроны, ложась на его волосы и плечи неровными пятнами.

— Недалеко. Там есть старое место. Вам понравится.

— Какое место?

— Увидите.

Злата не любила подобных ответов. Ей не нравилось, когда другие люди распоряжались её временем, а тем более когда предлагали идти неизвестно куда, обещая объяснить всё потом. Она уже собиралась сказать об этом, но Иван, словно прочитав её мысли, добавил, что до места всего несколько минут и что он не собирается заводить её в чащу. Его тон был настолько спокойным и доброжелательным, что Злата почувствовала себя несколько глупо.

И всё-таки предупреждение Прасковьи Андреевны всплыло в памяти с неприятной ясностью.

Ты с ним осторожнее.

Злата посмотрела на тропинку. Она была хорошо протоптана, местами укреплена старыми досками. По обе стороны росли кусты черники, а чуть дальше виднелась светлая поляна. Никакой опасности. К тому же она не собиралась терять Ивана из виду, а телефон, хотя и без связи, лежал в кармане.

— Хорошо, — сказала она. — Но если вы приведёте меня к очередному заброшенному сараю, я потребую компенсацию за потраченное время.

— Какую?

— Как минимум пирог.

— С чем?

— С яблоками.

Иван задумчиво кивнул, словно принимал условия серьёзного договора.

— Договорились.

Они пошли дальше.

Лес здесь отличался от того, через который Злата шла накануне. Деревья стояли теснее, а земля под ними была покрыта густым мхом. Между корнями виднелись камни, поросшие лишайником, и несколько раз Злате приходилось осторожно переступать через поваленные стволы. Иван двигался легко, почти бесшумно. Он словно заранее знал, где почва окажется мягкой, а где под листьями скрывается яма. Иногда он протягивал ей руку, помогая преодолеть особенно неудобное место, и всякий раз отпускал сразу, как только она оказывалась на ровной земле.

Злата постепенно перестала считать шаги. Её внимание привлекали мелочи: странные узоры на коре, белые грибы под елями, длинные нити паутины, натянутые между ветвями. В одном месте она заметила старую деревянную фигурку, прибитую к стволу. Фигурка изображала человеческое лицо с длинным носом и глубоко посаженными глазами. Дерево потемнело от дождей, черты почти стёрлись, но выражение оставалось удивительно живым.

Она остановилась, чтобы сфотографировать находку.

Иван тоже остановился, однако теперь его лицо не выражало обычного веселья. Он смотрел на фигурку с заметной неприязнью.

— Кто её сделал? — спросила Злата.

— Давно было.

— Это оберег?

— Может быть.

— А от чего?

Иван пожал плечами.

— От тех, кто не любит, когда по лесу ходят.

Злата хотела спросить, кого именно он имеет в виду, но в этот момент ветер шевельнул ветви над ними, и фигурка тихо стукнулась о ствол. Звук был сухим, похожим на щелчок зубов.

Она вздрогнула, затем рассердилась на себя. Иван заметил это и улыбнулся.

— Не бойтесь. Он старый, ему уже лень пугать людей.

— Вы так говорите, будто знакомы.

— А вдруг?

Злата покачала головой, но улыбнулась в ответ. В его шутках было что-то заразительное. Даже когда он говорил откровенную чепуху, делал это с таким убеждением, что на мгновение хотелось поверить.

Они прошли ещё немного и вышли на небольшую поляну.

Посреди неё стоял камень.

Он был высокий, почти по пояс взрослому человеку, тёмный от влаги и покрытый мхом. На его поверхности виднелись неглубокие борозды, складывавшиеся в сложный узор. Злата подошла ближе, провела пальцами по холодному камню и почувствовала, как сердце забилось быстрее. Рисунок был старым, возможно, очень старым. Некоторые линии напоминали растительный орнамент, другие — знаки, которые она встречала в этнографических сборниках, хотя уверенно отнести их к какой-либо традиции не могла.

Вокруг камня росли молодые берёзы. На нескольких ветвях висели красные ленты, такие же, какие Злата видела на дороге в деревню. Только здесь их было гораздо больше: десятки узких полосок ткани, выцветших и новых, колыхались на ветру, словно маленькие языки пламени. Под камнем лежали монеты, засохшие цветы, несколько яблок и кусочек хлеба, завернутый в белую ткань.

Злата долго смотрела на всё это, забыв об Иване. Перед ней было именно то, ради чего она приехала в Бережки: не пересказ из старой книги, не музейная витрина, а живое место, где древний обычай продолжал существовать, пусть даже его смысл давно изменился. Она достала фотоаппарат и начала снимать, стараясь запечатлеть каждую деталь. Потом открыла блокнот, записала расположение камня, примерное расстояние от церкви, количество лент и характер подношений.

Иван стоял в стороне, прислонившись к берёзе. Он не мешал, только наблюдал за ней с выражением, которое Злата не могла прочитать. В какой-то момент ей показалось, что он хочет что-то сказать, но передумал.

— Вы знали об этом месте? — спросила она наконец.

— Конечно.

— И почему сразу не сказали?

— Я же привёл вас.

— Вы понимаете, насколько это интересно? Здесь, возможно, сохранился обряд, который уже давно нигде не практикуют.

Иван посмотрел на ленты.

— Практикуют, — сказал он тихо.

Злата обернулась.

— Что?

— Я говорю, раз ленты висят, значит, кто-то их привязывает.

Она кивнула, признавая справедливость замечания, и снова принялась рассматривать камень. На одной из его сторон, почти у самой земли, виднелась надпись. Буквы были вырезаны неровно, некоторые стёрлись, но несколько слов ещё можно было разобрать.

Злата присела на корточки, отодвинула мокрый мох и провела пальцем по бороздам.

Кто идёт…

Дальше следовало несколько неразборчивых знаков.

…назад…

Последнее слово было почти полностью скрыто под лишайником. Она осторожно расчистила его краем платка и почувствовала, как по коже пробежал холод.

…не гляди.

Злата выпрямилась.

— Иван.

Он подошёл.

— Что?

— Вы знаете, что здесь написано?

Он посмотрел на камень. Несколько секунд его лицо оставалось неподвижным, затем он улыбнулся — привычно, легко, почти беззаботно.

— Старые слова. Кто теперь разберёт.

— Я могу попробовать. Только мне нужно больше света.

Она достала телефон и включила фонарик, хотя день ещё не закончился. Луч скользнул по влажному камню, выхватывая из темноты отдельные линии. Злата наклонилась ближе, стараясь понять, где заканчиваются буквы и начинаются случайные трещины. Её пальцы снова коснулись поверхности, и на мгновение ей показалось, что камень под ладонью чуть тёплый.

Она отдёрнула руку.

Иван заметил движение.

— Что случилось?

— Ничего. Просто…

Злата замолчала. Ей не хотелось говорить, что камень показался тёплым, потому что это звучало бы нелепо. Она снова прикоснулась к нему. Теперь поверхность была холодной и влажной, как и должна была быть.

Иван смотрел на неё внимательно.

— Устали?

— Немного.

— Тогда пойдёмте обратно. А то Прасковья Андреевна решит, что я вас украл.

Он сказал это с улыбкой, но Злата почему-то не улыбнулась в ответ.

Слово *украл* прозвучало слишком неожиданно.

Она убрала телефон и закрыла блокнот. Ей хотелось остаться, сделать ещё несколько снимков, попробовать разобрать надпись целиком. Но лес вокруг поляны начал темнеть, хотя до вечера оставалось ещё несколько часов. Тени под деревьями вытянулись, и красные ленты на ветвях казались теперь почти чёрными.

Злата подняла рюкзак.

— Хорошо. Вернёмся завтра?

Иван посмотрел на камень, затем на неё.

— Если захотите.

— Я хочу.

Он улыбнулся.

— Тогда обязательно.

Обратная дорога оказалась короче.

Во всяком случае, Злате так показалось. Они шли по той же тропинке, но уже через несколько минут между деревьями показалась церковная ограда, а ещё немного спустя — первые дома. Она попыталась вспомнить, сколько времени занял путь к поляне, и обнаружила, что не может определить даже приблизительно. Возможно, дело было в том, что по дороге туда она часто останавливалась, фотографировала и записывала. Иван же шёл теперь быстрее, словно торопился вернуться до того, как окончательно испортится погода.

У самой околицы они встретили Прасковью Андреевну.

Хозяйка стояла у колодца с пустым ведром. Увидев Злату рядом с Иваном, она замерла, и её лицо стало таким суровым, что Злата невольно почувствовала себя школьницей, пойманной за прогулом уроков. Иван, напротив, выглядел совершенно невозмутимым. Он первым поздоровался, предложил донести ведро и даже сделал шаг вперёд, но Прасковья Андреевна отстранила его руку.

— Сама справлюсь.

Злата поспешила объяснить, что они гуляли возле старой церкви и нашли интересное место с камнем и лентами. Она говорила быстро, увлечённо, надеясь поделиться радостью открытия, но хозяйка слушала всё мрачнее. Когда Злата упомянула надпись на камне, Прасковья Андреевна посмотрела на Ивана.

— Туда водил?

Он не ответил сразу. На его лице появилась та самая улыбка, которая ещё недавно казалась Злате исключительно обаятельной.

— А что такого? Место красивое.

— Красивое, — повторила хозяйка.

В её голосе не было согласия.

Злата почувствовала неловкость. Ей не хотелось становиться причиной чужой ссоры, тем более что Иван действительно показал ей нечто интересное. Она попыталась перевести разговор, спросила, не знает ли Прасковья Андреевна историю камня, но та только покачала головой и велела возвращаться домой: скоро начнётся дождь.

Иван проводил их до калитки. Перед уходом он наклонился к Злате и негромко сказал, что завтра может показать ей ещё одно место, если она не испугается старых деревенских сказок. В его голосе звучала привычная насмешка, но взгляд был серьёзным.

— Я не пугаюсь сказок, — ответила Злата.

— Это хорошо.

Он задержал на ней взгляд чуть дольше, чем требовала вежливость.

— Тогда до завтра.

Злата кивнула.

Когда Иван ушёл, Прасковья Андреевна ещё некоторое время стояла у калитки, глядя ему вслед. Потом закрыла засов и повернулась к Злате.

— Ты с ним больше в лес не ходи.

Злата вздохнула. За последние сутки она слышала столько предупреждений, что начала терять к ним терпение.

— Прасковья Андреевна, он же местный. Он знает дорогу.

— Знает, — сказала хозяйка. — В том и беда.

Злата посмотрела на неё, ожидая продолжения, но женщина уже направилась к дому. На пороге она остановилась и, не оборачиваясь, добавила:

— Иванушка-то наш не всегда таким был.

— Каким?

Прасковья Андреевна долго молчала.

— Весёлым.

Она вошла в дом, оставив Злату одну у калитки.

Над деревней собирались тучи. Ветер шевелил ветви рябины, и тяжёлые гроздья ягод тихо стучали друг о друга. Злата посмотрела на дорогу, по которой ушёл Иван, и вдруг поймала себя на том, что хочет увидеть его снова. Не только ради камня, старых надписей и лесных преданий. Ей нравилось разговаривать с ним, нравилось, как легко он смеётся и как внимательно слушает, когда она говорит о вещах, которые обычно кажутся другим скучными.

Это было немного досадно.

Она приехала сюда работать, а не влюбляться в первого встречного деревенского красавца.

Злата усмехнулась собственным мыслям и пошла в дом.

Вечером она долго разбирала фотографии.

Снимки камня получились удачными. На нескольких отчётливо виднелись вырезанные линии, и Злата попыталась перенести их в блокнот, сопоставляя с известными ей знаками. Работа продвигалась медленно. Некоторые символы напоминали буквы старославянской азбуки, другие выглядели скорее как части орнамента. Она понимала, что без консультации специалиста делать выводы рано, но не могла отделаться от ощущения, что перед ней не случайный набор царапин.

Особенно её занимала фраза, которую удалось прочитать у основания камня.

Кто идёт… назад… не гляди.

Она переписала её несколько раз, оставляя пробелы для неразборчивых слов. Потом открыла электронную библиотеку, но интернет снова исчез. Пришлось довольствоваться собственными знаниями и сохранёнными материалами. Злата вспомнила несколько вариантов сказок о путешествии в подземное царство, обряды проводов покойника, запреты оглядываться на перекрёстках. Мотив был слишком распространённым, чтобы сам по себе доказывать что-либо, но здесь, в Бережках, он повторялся с настойчивостью, которая начинала казаться почти навязчивой.

Она подняла глаза от блокнота.

В комнате было тихо. За окном шёл дождь, на этот раз мелкий и продолжительный. Где-то внизу Прасковья Андреевна передвигала посуду, изредка кашляла. Злата почувствовала усталость, но не хотела прекращать работу. Ей казалось, что стоит отвлечься — и какая-то важная мысль ускользнёт, растворится среди других впечатлений дня.

Она снова открыла фотографии.

На одном снимке Иван стоял возле камня, чуть в стороне от красных лент. Злата сделала этот кадр случайно, пытаясь поймать общий вид поляны. Он не смотрел в объектив. Его лицо было обращено к лесу, и выражение казалось непривычно серьёзным. Свет падал сбоку, оставляя половину лица в тени. Злата задержалась на фотографии дольше, чем требовалось для работы.

Потом увеличила изображение.

За спиной Ивана, между деревьями, виднелось что-то светлое.

Сначала Злата решила, что это берёзовый ствол. Но форма была странной: слишком узкой внизу и широкой вверху, словно между соснами стоял человек в длинной светлой одежде. Она увеличила снимок ещё сильнее. Изображение распалось на крупные пиксели, и различить что-либо стало невозможно.

Злата нахмурилась.

Она хорошо помнила поляну. Кроме них с Иваном, там никого не было.

Возможно, это действительно берёза. Или светлое пятно на коре. Или игра света, которую человеческий глаз охотно превращает в знакомые очертания. Она знала название этому явлению — парейдолия — и не раз сталкивалась с ним на фотографиях старых зданий, где люди находили призрачные лица в трещинах штукатурки.

И всё же снимок ей не понравился.

Она закрыла файл и потянулась за чашкой чая. Чай давно остыл. Злата сделала глоток, поморщилась и решила спуститься на кухню за горячей водой.

На лестнице было темно. Прасковья Андреевна, видимо, уже легла, и внизу горела только маленькая лампа над кухонным столом. Злата осторожно спустилась, стараясь не скрипеть ступенями, и остановилась у двери.

Хозяйка сидела за столом.

Перед ней лежала старая фотография, которую Злата не видела раньше. Прасковья Андреевна держала её обеими руками, низко склонив голову. В свете лампы лицо женщины казалось почти неподвижным, словно вырезанным из дерева.

Злата уже хотела тихо уйти, чтобы не мешать, но хозяйка подняла глаза.

— Не спится?

— Работала. Хотела чай подогреть.

Прасковья Андреевна кивнула и убрала фотографию в ящик стола. Движение было быстрым, почти испуганным. Злата сделала вид, что не заметила, хотя любопытство немедленно проснулось.

Пока она наливала воду в чайник, хозяйка смотрела на неё молча. Потом спросила, что именно Злата нашла на камне. Та пересказала надпись, объяснила, что часть букв стёрлась, и добавила, что собирается вернуться туда завтра, чтобы сделать более подробные снимки.

Прасковья Андреевна побледнела.

— Не надо.

Злата обернулась.

— Почему?

Хозяйка долго смотрела на неё. В её глазах было что-то такое, от чего Злате вдруг стало не по себе. Не раздражение, не суеверный страх, а усталое отчаяние человека, который уже пытался кого-то предупредить и не был услышан.

— Ты ведь умная девушка, — сказала она наконец. — Книжки читаешь, учишься. Так вот и подумай: если люди столько лет обходят какое-то место стороной, может, у них есть причина?

Злата не нашлась с ответом.

Она хотела возразить, что люди веками боялись затмений, комет и болезней, пока не научились их объяснять. Хотела сказать, что именно страх часто сохраняет древние обычаи, превращая их в запреты, смысл которых давно забыт. Но всё это вдруг показалось неуместным. Прасковья Андреевна смотрела на неё так, словно речь шла не о научном интересе, а о чём-то гораздо более личном.

— Хорошо, — сказала Злата после паузы. — Я подумаю.

Хозяйка медленно кивнула.

Чайник зашумел. Злата налила кипяток в чашку, поблагодарила и направилась к лестнице. Уже взявшись за перила, она услышала за спиной негромкий голос:

— И ещё, Злата.

Она обернулась.

Прасковья Андреевна сидела неподвижно, положив ладони на стол.

— Если Иванушка позовёт тебя куда-нибудь после заката, не ходи.

Злата почувствовала раздражение, но на этот раз не стала его показывать.

— Почему именно после заката?

Хозяйка посмотрела в тёмное окно.

— Потому что ночью дороги не всегда ведут туда, куда днём.

Позже, лёжа в постели, Злата долго не могла уснуть.

Она думала об Иване, о камне с надписью, о старой фотографии, которую Прасковья Андреевна поспешно спрятала в ящик. В памяти всплывали отдельные подробности дня: белый шрам на запястье Ивана, его внезапная серьёзность возле колодца, странное выражение старика у часовни. Всё это могло иметь самые простые объяснения, но вместе складывалось в картину, которую Злата пока не умела прочитать.

Она повернулась на бок и посмотрела на телефон. Связи не было. Сообщение матери так и осталось без ответа, а время приближалось к полуночи.

Злата открыла заметки и написала:

Уточнить у Прасковьи Андреевны:

1. История камня и подношений.

2. Забытый лог.

3. Старый колодец.

4. Иван — кто он?

Она посмотрела на последний пункт и усмехнулась. Формулировка выглядела так, словно она собиралась расследовать преступление. Впрочем, Иван действительно был странным человеком. Не пугающим — скорее слишком легко ускользающим от определений. Стоило ей решить, что он просто весёлый деревенский парень, как он говорил или делал что-нибудь, заставлявшее усомниться в этом.

Она закрыла заметки.

За окном дождь постепенно стихал. Ветер шевелил ветви рябины, и те время от времени касались стекла. Злата прислушалась к знакомому стуку, вспомнила ночные царапины и невольно улыбнулась собственной впечатлительности. Завтра она обязательно осмотрит подоконник ещё раз при хорошем свете. Возможно, найдёт там птичье перо и окончательно успокоится.

С этой мыслью она почти уснула.

Но в самый последний момент ей показалось, что где-то далеко, за деревней, прозвучал колокольный удар.

Один.

Низкий, глухой, протяжный.

Злата открыла глаза.

Звук повторился, теперь чуть ближе. Она приподнялась на локте и прислушалась, пытаясь определить, откуда он доносится. В Бережках была только одна церковь, и та давно стояла заброшенной. Колокола на ней не было — Злата сама видела пустой проём колокольни.

Третий удар прозвучал так отчётливо, что она почувствовала лёгкую дрожь в груди.

Потом всё стихло.

Злата ещё долго сидела в темноте, ожидая продолжения. Но за окном слышался только ветер, и где-то внизу тихо скрипели половицы.

Она легла обратно, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Утром она обязательно спросит Прасковью Андреевну, откуда в деревне звонят колокола.

И, возможно, узнает наконец, почему Иванушка-дурачок так хорошо знает дорогу к камню, на котором написано, что назад оглядываться нельзя.

Не ходи обратно

Утро началось с того, что Злата обнаружила на подоконнике воробья. Птица сидела за стеклом, нахохлившись от сырости, и с необыкновенной деловитостью обследовала облупившуюся краску, время от времени постукивая клювом по дереву. Злата некоторое время наблюдала за ней из постели, затем осторожно поднялась, стараясь не спугнуть неожиданную гостью. Воробей заметил движение, повернул голову, посмотрел на неё одним круглым глазом и улетел, оставив после себя несколько мокрых следов.

Это было почти оскорбительно простое объяснение ночных царапин.

Злата открыла окно и внимательно осмотрела подоконник. Три длинные борозды никуда не исчезли, но теперь рядом с ними отпечатались крошечные птичьи лапки, и вся история приобрела несколько комический оттенок. Конечно, воробей едва ли мог оставить такие глубокие следы, однако после вчерашнего дня ей хотелось хотя бы одну загадку разрешить без участия потусторонних сил, старых преданий и деревенских жителей, которые предпочитали отвечать на вопросы загадками.

За окном Бережки постепенно просыпались. Ночной дождь закончился ещё до рассвета, и теперь над огородами поднимался лёгкий пар, а в лужах отражалось бледное сентябрьское небо. Где-то за домами стучал топор, со стороны соседнего двора доносилось недовольное кудахтанье, и по улице медленно двигалась женщина с двумя вёдрами, подвешенными на коромысле. Всё выглядело настолько обыкновенным, что Злата почти пожалела о вчерашних подозрениях. В конце концов, старые деревни были полны странностей, которые в городе давно перестали замечать: скрипящих половиц, необъяснимых звуков, забытых обычаев и людей, привыкших придавать особенное значение вещам, казавшимся постороннему совершенно безобидными.

Вот только колокольный звон объяснить пока не удавалось.

Она вспомнила три удара, прозвучавших перед полуночью, и посмотрела в сторону церкви. Колокольню отсюда заслоняли крыши домов, но Злата прекрасно помнила пустой проём, который фотографировала вчера. Если в Бережках действительно не осталось колокола, звук должен был доноситься откуда-то ещё. Возможно, из соседнего поселения, расположенного ближе, чем утверждала Прасковья Андреевна. Возможно, его вообще издавал не колокол, а какой-нибудь металлический предмет, по которому ударял ветер.

Последнее предположение показалось ей достаточно разумным, чтобы записать его в блокнот.

За завтраком Прасковья Андреевна была необыкновенно молчалива. Она поставила перед Златой тарелку пшённой каши с тыквой, подвинула ближе банку мёда и принялась перебирать яблоки, складывая подпорченные в отдельную корзину. Злата некоторое время наблюдала за её работой, а потом спросила, не слышала ли хозяйка ночью колокольного звона.

Прасковья Андреевна перестала вертеть яблоко в руках.

— Звона? — переспросила она, хотя прекрасно расслышала вопрос.

— Три удара, около полуночи. Я подумала, что звонят в церкви, но ведь там нет колокола.

— Нет, — согласилась хозяйка.

Злата подождала продолжения, однако Прасковья Андреевна только отложила яблоко и взяла следующее. По её лицу невозможно было определить, удивлена ли она услышанным или просто не желает обсуждать ночные происшествия. За два дня Злата успела заметить, что хозяйка обладала редким умением заканчивать разговор, даже не произнося ничего определённого.

— Может быть, звон доносился из соседней деревни? — предположила она.

— До соседней деревни далеко. Да и церкви там нет.

— Тогда откуда он мог взяться?

Прасковья Андреевна подняла глаза. В её взгляде мелькнуло что-то похожее на раздражение, но исчезло прежде, чем Злата успела решить, действительно ли заметила его.

— Мало ли что ночью слышится. Ветер по крышам гуляет, железо гремит. Ты лучше поешь, пока каша не остыла.

Злата послушно взяла ложку. Ей хотелось возразить, что отличить колокольный удар от стука кровельного железа она вполне способна, но спорить с хозяйкой с самого утра было бы неблагодарно. К тому же сегодня её ожидало первое полноценное интервью с местной жительницей, и портить настроение из-за необъяснимого звона не имело смысла.

Прасковья Андреевна сама напомнила о Марфе Семёновне, которая жила на другом конце деревни. По её словам, старуха помнила Бережки ещё до войны, знала множество местных историй и охотно рассказывала их, если собеседник умел слушать. Последнее замечание сопровождалось таким выразительным взглядом, что Злата невольно улыбнулась.

— Постараюсь не перебивать, — пообещала она.

— И про Забытый лог у неё спроси, коли уж тебе так интересно. Только учти, Марфа Семёновна на левое ухо плохо слышит. Садись справа, а то половину разговора проведёшь зря.

Злата поблагодарила хозяйку, допила чай и отправилась собираться. Перед выходом она проверила заряд фотоаппарата, переложила в рюкзак блокнот с записями и ещё раз посмотрела на вчерашние снимки камня. Надпись у его основания по-прежнему занимала её больше остальных находок. В сочетании с фрагментом старой бумаги, обнаруженной у заброшенного дома, она указывала на существование местного предания, связанного с запретом оглядываться. Сам по себе подобный мотив не представлял ничего необычного: он встречался в погребальных обрядах, сказках о путешествии в иной мир и многочисленных историях о встречах с нечистой силой. Но Злате хотелось выяснить, почему в Бережках его повторяли с такой настойчивостью.

Марфа Семёновна жила за небольшой рощицей, в доме с голубыми ставнями и покосившимся крыльцом. Во дворе росла старая груша, под которой дремал лохматый пёс с седой мордой. При появлении незнакомки он поднял голову, несколько раз гавкнул для порядка и снова улёгся, очевидно решив, что охранять хозяйство от девушки с рюкзаком не стоит затраченных усилий.

Дверь открылась не сразу. Злата успела дважды постучать и уже собиралась проверить, правильно ли запомнила адрес, когда за дверью послышались неторопливые шаги. На пороге появилась маленькая сухонькая женщина в тёмном платке, из-под которого выбивались тонкие седые пряди. Она внимательно осмотрела гостью, задержала взгляд на фотоаппарате и спросила, не из сельсовета ли та пришла.

Узнав, что Злата собирает местные предания для университетской работы, старуха заметно оживилась.

— А, так это ты у Прасковьи остановилась. Проходи, чего на пороге стоять. Только обувь вытри хорошенько, у меня полы чистые.

Внутри пахло сушёной мятой, старой древесиной и печёными яблоками. На стенах висели вышитые полотенца, над печью сушились пучки трав, а в красном углу стояли потемневшие иконы, украшенные бумажными цветами. Злата сразу заметила необычный узор на одном из полотенец: две птицы, обращённые друг к другу, между которыми поднималось дерево с непропорционально крупными листьями. Она хотела спросить, кто выполнил вышивку, но Марфа Семёновна уже усаживала её за стол и доставала из буфета стаканы с металлическими подстаканниками.

Разговор начался с обычных вопросов. Старуха интересовалась, откуда приехала Злата, сколько ей лет, есть ли у неё жених и зачем молодой девушке понадобилось изучать то, что другие люди стараются забыть. Последний вопрос Злата сочла особенно любопытным, но отвечать

пришлось на первые три, поскольку Марфа Семёновна не собиралась переходить к рассказам, пока не выяснит хотя бы основные обстоятельства жизни своей гостьи.

Когда формальности были соблюдены, Злата объяснила, что изучает славянскую филологию и больше всего интересуется фольклором. Она рассказала о своей работе, о старых сборниках, в которых встречались упоминания окрестных деревень, и о том, что надеется записать предания, сохранившиеся в устной традиции. Марфа Семёновна выслушала её с одобрением, хотя слово «филология» пришлось повторить дважды.

— Значит, сказки записываешь, — заключила она. — Хорошее дело. Только сказки-то разные бывают. Одни детям рассказывают, чтоб спали, а другие — чтоб по ночам из дому не ходили.

Злата улыбнулась и открыла блокнот.

Сначала Марфа Семёновна рассказала о домовом, который будто бы жил в старой бане за огородом и не терпел, когда после полуночи оставляли открытой дверь. Потом вспомнила о женщине, повстречавшей возле реки покойного мужа, и о мальчишке, который три дня плутал в лесу, хотя деревня находилась всего в нескольких сотнях шагов. Истории следовали одна за другой, иногда обрывались на самом интересном месте и уступали место подробным воспоминаниям о давно умерших соседях. Злата записывала быстро, стараясь не упустить характерные выражения, и время от времени задавала уточняющие вопросы.

Особенно её заинтересовал рассказ о Забытом логе.

Когда-то, по словам Марфы Семёновны, через лес проходила старая дорога, соединявшая Бережки с деревней, от которой теперь не осталось даже названия. По ней ездили за сеном, ходили на ярмарку и провожали покойников к дальнему кладбищу. Дорога считалась удобной, пока однажды люди не начали замечать, что привычные ориентиры меняются местами. Знакомый овраг оказывался за спиной, хотя путник ещё не успел его перейти, берёза с раздвоенным стволом встречалась дважды, а короткий путь до соседнего поселения мог занять целый день.

— Сначала думали, лес рубят, вот и путаются люди, — рассказывала старуха, неторопливо размешивая чай. — А потом один мужик домой вернулся, когда его уже похоронить собирались. Три дня не было, а сам говорит, будто только до лога дошёл да обратно повернул.

— Он рассказывал, что видел? — спросила Злата.

— Рассказывал. Только лучше бы молчал.

Марфа Семёновна надолго замолчала, и Злата не стала её торопить. В подобных беседах паузы часто оказывались не менее важны, чем сами слова. Старуха смотрела в окно, где на ветке груши сидела ворона, и, казалось, вспоминала что-то, не имеющее отношения к истории о заблудившемся мужчине.

— Говорил, мать его звала, — произнесла она наконец. — Из лесу. А мать-то к тому времени уж лет десять как померла. Он сначала не пошёл, а потом всё-таки оглянулся. Вот и ходил три дня, пока дорога его обратно не выпустила.

Злата записала последние слова почти дословно.

— А почему именно оглянулся? Разве это имело значение?

Марфа Семёновна посмотрела на неё с удивлением.

— Конечно, имело. Коли идёшь по нехоженой тропе, назад смотреть нельзя. Особенно если кто по имени окликнет.

— Даже если знакомый человек?

— А кто ж тебя чужим голосом заманивать станет? — резонно возразила старуха.

Злата невольно улыбнулась. С точки зрения внутренней логики предания ответ был безупречен. Она попросила рассказать подробнее о нехоженых тропах, и Марфа Семёновна объяснила, что так называли не всякую заброшенную дорогу, а те места, где привычный путь мог внезапно привести человека совсем не туда, куда он собирался. По её словам, раньше старики

знали особые слова, которые следовало произносить перед входом в лес, если дорога казалась незнакомой.

— А вы их помните? — спросила Злата.

— Помню, да только давно не говорила. Нынче над таким смеются.

— Я не буду смеяться. Мне очень важно записать именно то, как их произносили.

Старуха некоторое время разглядывала её, словно решая, можно ли доверять обещанию. Потом медленно произнесла несколько строк, в которых знакомые слова перемежались непривычными оборотами. Злата записала их, попросила повторить и попыталась уточнить ударения. Марфа Семёновна несколько раз поправляла её, раздражаясь, когда девушка неверно воспроизводила окончания, но в конце концов осталась довольна.

— Только ты их без надобности не говори, — предупредила она, когда Злата закрыла блокнот. — Слова-то не для забавы.

Злата поблагодарила её и пообещала обращаться с записью осторожно. Она не стала объяснять, что с научной точки зрения произнесение фольклорной формулы вне обрядового контекста едва ли могло иметь какие-либо последствия. Марфа Семёновна и без того проявила достаточно терпения к незнакомой студентке, а спор о природе магического мышления был бы не самым удачным способом завершить знакомство.

Когда Злата вышла из дома, солнце уже поднялось высоко, и влажная земля начала подсыхать. Она остановилась возле калитки, чтобы проверить записи, и обнаружила, что на нескольких страницах чернила слегка размазались. Пришлось переписать одно из выражений, пока оно ещё оставалось в памяти. Злата так увлеклась этим занятием, что не сразу заметила знакомую фигуру у соседнего забора.

— Надеюсь, Марфа Семёновна не заставила вас поклясться, что вы никогда больше не войдёте в лес?

Иван стоял неподалёку, держа в руках небольшую корзину. На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами, а волосы слегка растрепались, словно он только что снял шапку. Он улыбался с тем беззаботным видом, который Злата уже начинала узнавать, и смотрел на её блокнот с нескрываемым любопытством.

— Почти, — ответила она. — Только вместо клятвы велела не произносить некоторые слова без необходимости.

— Разумная женщина.

— Вы тоже так считаете?

— Я вообще редко спорю с Марфой Семёновной. Она меня ещё маленьким крапивой воспитывала.

Злата рассмеялась и убрала блокнот в рюкзак. Иван подошёл ближе, поинтересовался, удалось ли ей узнать что-нибудь полезное, и выслушал короткий пересказ истории о Забытом логе. На упоминании нехоженых троп его улыбка стала чуть менее уверенной, но Злата не придала этому значения. Она уже привыкла к тому, что некоторые деревенские предания вызывали у местных жителей странную смесь насмешливости и настороженности.

Иван предложил проводить её домой, а по пути показать старый яблоневый сад, который находился за последними домами. По его словам, когда-то там выращивали редкие сорта яблок, но хозяева давно умерли, ограда развалилась, и теперь сад принадлежал скорее птицам, чем людям. Злата согласилась не сразу. Ей хотелось вернуться к записям, пока воспоминания о разговоре оставались свежими, однако возможность увидеть ещё одно старое место показалась достаточно заманчивой.

Они пошли вдоль деревни, минуя огороды и низкие деревянные заборы. Иван рассказывал о местных жителях, о том, как однажды во время весеннего паводка затопило мост, и о старом кузнеце, который будто бы умел подковать не только лошадь, но и чёрта. Злата слушала его с удовольствием, иногда задавая вопросы, на которые он отвечал с неизменной готовно-

стью, если только разговор не касался леса. Тогда Иван становился осторожнее, выбирал слова и нередко отделывался шуткой.

У одного из домов им встретилась женщина с охапкой хвороста. Увидев Ивана, она приветливо окликнула его Иванушкой и попросила передать соседу, что тот опять забыл починить калитку. Иван пообещал непременно передать, хотя, судя по его выражению лица, намеревался сделать это не раньше следующего воскресенья.

Когда женщина скрылась за поворотом, Злата вспомнила вопрос, который собиралась задать ещё вчера.

— Скажите, а почему вас здесь называют Иванушкой? — поинтересовалась она. — Вы ведь представились Иваном.

— Потому что я Иван, — ответил он с таким видом, словно объяснение было исчерпывающим.

— Это я уже поняла. Но обычно молодых людей называют Ванями. А вас — то Иван, то Иванушка.

Иван задумчиво посмотрел на неё. Некоторое время он молчал, затем улыбнулся и заметил, что Иванушке в сказках обычно достаётся полцарства, тогда как Ване приходится довольствоваться тем, что осталось после старших братьев.

— Значит, дело в корыстных побуждениях? — уточнила Злата.

— Исключительно. Я человек предусмотрительный.

— А если я всё-таки назову вас Ваней?

Он повернул голову, и Злата заметила, что улыбка на мгновение исчезла. Перемена была настолько короткой, что она могла бы счесть её случайной, если бы Иван не ответил с непривычной серьёзностью:

— Лучше не надо.

— Почему?

— Не нравится мне это имя.

Злата не стала настаивать. В конце концов, человек имел полное право предпочитать одно обращение другому, даже если не собирался объяснять причины. К тому же Иван уже снова улыбался, и разговор вернулся к привычной лёгкости.

— А вы, между прочим, тоже странная, — заметил он спустя некоторое время.

— Чем же?

— Всё ещё обращаетесь ко мне на «вы». Мы уже второй день знакомы, а вы разговариваете так, будто я приехал проверять ваши знания по филологии.

Злата посмотрела на него с притворным удивлением.

— А разве два дня — достаточный срок, чтобы переходить на «ты»?

— Не знаю. Я никогда не считал.

— Вот и я не считаю. Мне так удобнее.

Иван рассмеялся и признался, что ему даже нравится её манера обращаться к нему подчеркнуто вежливо, особенно когда она сердится. Злата возразила, что пока он ещё не давал ей серьёзных поводов для раздражения, и Иван с совершенно невинным видом выразил надежду, что у них впереди достаточно времени, чтобы исправить это упущение.

Она покачала головой, но не удержалась от улыбки. В его присутствии ей удивительно легко удавалось забывать о собственной осторожности. Злата не считала себя человеком, склонным быстро привязываться к незнакомцам, и тем более не собиралась превращать исследовательскую поездку в романтическое приключение. Однако Иван обладал редким умением делать даже самый обыкновенный разговор занимательным, а его постоянные шутки постепенно переставали казаться ей попыткой произвести впечатление. Возможно, он действительно был таким — беспечным, немного нахальным и совершенно неспособным воспринимать себя всерьёз.

Сад начинался за старой оградой, от которой сохранились лишь отдельные столбы и несколько покосившихся досок. Яблони росли беспорядочно, переплетаясь ветвями, а под ними лежали опавшие плоды, некоторые уже почерневшие от сырости. Воздух был наполнен густым сладковатым запахом, смешанным с ароматом мокрой травы. В нескольких местах между деревьями виднелись остатки дорожек, выложенных плоскими камнями, а возле одной из яблонь стояла скамья, почти полностью поглощённая разросшимся кустарником.

Иван сорвал с нижней ветки два яблока, одно протянул Злате, другое вытер о рукав и сразу откусил. Она поблагодарила его и осмотрелась. Сад был красив той немного печальной красотой, которая свойственна давно заброшенным местам. Здесь ещё сохранялись следы человеческого труда, но природа постепенно возвращала себе всё, что когда-то было у неё отнято. Старые дорожки исчезали под травой, ветви ломали ограду, а яблоки падали на землю и гнили, никому не нужные.

Злата сделала несколько фотографий и уже собиралась спросить, кому принадлежал сад, когда заметила в дальней его части деревянную арку.

Она стояла между двумя старыми липами, почти полностью скрытая диким виноградом. Когда-то, вероятно, арка служила входом в другую часть сада, но теперь за ней начиналась узкая тропинка, уходившая к лесу. Дерево потемнело от времени, а по боковым столбам тянулась резьба, напоминавшая переплетённые ветви. На верхней перекладине виднелись несколько знаков, которые Злата не смогла рассмотреть издалека.

— А это что? — спросила она.

Иван проследил за её взглядом.

— Старый проход. Раньше через него ходили к дальним яблоням.

— А теперь?

— Теперь, кажется, никуда.

Злата подошла ближе. На перекладине действительно сохранилась резьба, причём некоторые элементы удивительно напоминали знаки, которые она видела на камне с красными лентами. Она достала фотоаппарат и сделала несколько снимков, затем провела пальцами по одному из столбов. Дерево оказалось холодным и влажным, но борозды были глубокими, словно их вырезали сравнительно недавно.

— Вы замечали, что здесь повторяются одни и те же символы? — спросила она. — На камне, на старых домах, теперь вот здесь.

Иван подошёл ближе, посмотрел на перекладину и пожал плечами.

— Может, мастер один был.

— Возможно. Но тогда интересно, почему он использовал именно такие знаки.

— А вы спросите у него.

Злата обернулась.

— У кого?

— У мастера.

— Иван, если он делал эту арку хотя бы сто лет назад, боюсь, у нас возникнут определённые сложности с интервью.

— Жаль. А я уже надеялся, что вы сможете расспросить его о погоде.

Она рассмеялась, хотя подозревала, что Иван опять намеренно уводит разговор в сторону. Впрочем, сегодня у неё имелся другой источник информации, и она вспомнила о записи, сделанной у Марфы Семёновны.

— Кстати, мне сегодня рассказали об одном старом обычае. Перед тем как идти по незнакомой дороге, люди произносили особые слова. Якобы они помогали не заблудиться.

Иван перестал улыбаться.

— Какие слова?

— Я записала. Правда, не уверена, что правильно расслышала некоторые выражения.

Она раскрыла блокнот и показала ему страницу. Иван склонился ближе, внимательно прочитал несколько строк и неожиданно указал на одно из слов.

— Здесь ошибка.

— Вы знаете этот текст?

— Слышал когда-то.

Злата посмотрела на него с неподдельным интересом. Ей уже начинало казаться, что Иван знает о местном фольклоре гораздо больше, чем готов признать, и теперь появлялась возможность проверить это предположение. Она попросила его прочитать запись вслух, но он покачал головой и сказал, что лучше поправит отдельные слова, поскольку старые выражения легко исказить, если произносить их без привычки.

Они несколько минут разбирали текст. Иван исправил два окончания, объяснил, где следует сделать паузу, и неожиданно предложил Злате прочитать всё целиком. Она согласилась, хотя не вполне понимала, зачем ему понадобилось устраивать подобное упражнение посреди заброшенного сада. Впрочем, произношение обрядовых формул действительно имело значение для исследователя, и Злата решила, что возможность услышать местный вариант текста стоит небольшой задержки.

Она встала перед аркой, держа раскрытый блокнот на ладони, и начала читать.

Слова звучали непривычно. Некоторые были знакомыми, другие напоминали диалектные формы, смысл которых она могла определить лишь приблизительно. В тексте говорилось о дороге, которая должна пропустить путника, о земле, принимающей его следы, и о том, что оставленное позади не следует тревожить взглядом. Злата произносила строки медленно, стараясь правильно расставлять ударения, а Иван стоял рядом и время от времени поправлял её.

Когда она дошла до последней строки, он попросил повторить её ещё раз.

Злата подняла голову.

— Почему?

— Вы неправильно поставили ударение.

— Но Марфа Семёновна произносила именно так.

— Она давно не пользовалась этими словами. Могла забыть.

Объяснение показалось ей сомнительным, но спорить из-за одного ударения не хотелось. Она повторила строку, на этот раз так, как подсказал Иван, и закрыла блокнот.

В тот же момент где-то за деревьями треснула ветка.

Злата обернулась на звук, но ничего необычного не увидела. Сад оставался прежним: мокрые яблоки под ногами, заросшая дорожка, старые липы и деревянная арка, над которой лениво шевелились листья дикого винограда. Только воздух показался ей прохладнее, чем несколько минут назад, и птицы, ещё недавно шумевшие в кронах, почему-то замолчали.

— Ну вот, — сказала она. — Теперь, надеюсь, дорога нас никуда не заведёт.

Иван не ответил.

Злата посмотрела на него и заметила, что он стоит совершенно неподвижно. Его лицо утратило привычную живость, а взгляд был устремлён куда-то за её плечо. Она хотела спросить, что случилось, но в этот момент услышала голос.

— Злата!

Она вздрогнула.

Голос был женским и до боли знакомым. Так звала её мать, когда хотела привлечь внимание из соседней комнаты: немного протяжно, с едва заметным раздражением, словно дочь опять не слышала с первого раза. Злата машинально повернула голову, собираясь ответить, и лишь потом вспомнила, что мать находится за сотни километров от Бережков.

За спиной никого не было.

Она стояла перед старой аркой, за которой виднелась узкая дорожка, уходившая между деревьями. Всё выглядело почти так же, как прежде, но Злата не сразу поняла, что именно

изменилось. Потом заметила, что солнечный свет исчез. Не просто померк за облаками, а стал каким-то тусклым, зеленоватым, словно она смотрела на мир через толстое бутылочное стекло. Листья на яблонях потемнели, воздух наполнился запахом сырой земли, а где-то далеко, за лесом, раздался низкий протяжный звук.

Злата медленно повернулась к Ивану.

Он смотрел на неё с выражением, которого она прежде у него не видела. В его лице не было ни удивления, ни растерянности, только напряжённое ожидание, словно всё происходящее было ему хорошо известно.

— Что это было? — спросила она.

Иван не ответил сразу. Он посмотрел на арку, затем на лес за ней и только после этого произнёс:

— Нам нужно идти.

Злата нахмурилась.

— Куда? И что случилось со светом?

— Я объясню. Только не здесь.

Он протянул ей руку, но Злата не двинулась с места. Ей не нравился его тон, не нравилась внезапная тишина и особенно не нравилось то, что Иван, кажется, совершенно не удивлён происходящим. Она посмотрела на дорогу, по которой они пришли, и почувствовала, как по спине пробежал холод.

Дороги больше не было.

Там, где ещё недавно тянулась тропинка между яблонями, теперь стояли высокие деревья с тёмными, почти чёрными стволами. Их ветви переплетались так тесно, что за ними невозможно было различить ни сада, ни деревенских домов. Злата сделала несколько шагов в сторону, пытаясь найти знакомую ограду, но увидела лишь заросли папоротника и старые корни, выступавшие из земли.

— Иван, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Где мы?

Он посмотрел на неё, и на мгновение ей показалось, что ему самому неприятно отвечать на этот вопрос.

— Не в Бережках.

Злата почувствовала раздражение.

— Это я уже заметила. Я спрашиваю, где мы находимся.

— По другую сторону.

— Чего?

Иван помолчал, затем произнёс слово, которое Злата прекрасно знала по университетским занятиям, но никогда не ожидала услышать в подобном разговоре.

— Нави.

Она смотрела на него несколько секунд, пытаясь понять, не шутит ли он. Но Иван не улыбался, а вокруг было слишком тихо, чтобы происходящее можно было принять за очередную деревенскую забаву.

Злата знала, что представления о Нави в славянской традиции были сложнее и противоречивее, чем их обычно изображали в популярных книгах. Она читала о мёртвых, о духах предков, о позднейших попытках выстроить из разрозненных свидетельств единую картину потустороннего мира. Всё это было предметом научных споров, текстов и лекций, но никак не могло объяснить, почему знакомый сад внезапно исчез, а человек, с которым она ещё недавно обсуждала яблоки и деревенские прозвища, утверждал, что они оказались в ином мире.

— Вы хотите сказать, что мы в мире мёртвых? — спросила она.

— Не совсем.

— Тогда где?

Иван посмотрел в сторону леса.

— В Нави. Здесь всё немного иначе, чем у вас.

Последние два слова заставили Злату насторожиться сильнее, чем само название.

— У нас?

Он отвёл взгляд.

Злата почувствовала, как внутри поднимается злость. Она вспомнила старый камень, странные предупреждения Прасковьи Андреевны, слова Марфы Семёновны и то, как настойчиво Иван добивался, чтобы она правильно произнесла последнюю строку. Всё это внезапно сложилось в последовательность, смысл которой ей совершенно не понравился.

— Вы знали, что произойдёт? — спросила она.

Иван молчал.

— Вы знали, что эти слова что-то сделают?

Он посмотрел на неё, и Злата поняла ответ ещё до того, как он заговорил.

— Да.

Несколько секунд она не могла произнести ни слова. Ей хотелось рассмеяться, потому что происходящее было слишком нелепым, слишком невозможным, чтобы воспринимать его всерьёз. Но Иван стоял перед ней совершенно спокойный, лес за его спиной оставался чужим, а привычная дорога исчезла так бесследно, словно никогда не существовала.

— Значит, вы привели меня сюда специально.

Он не стал отрицать.

— Мне велели.

— Кто?

Иван отвёл взгляд в сторону арки.

— Я объясню по дороге.

Злата почувствовала, как лицо заливает жаром. Ей вспомнились их прогулки, шутки, яблоки, разговоры о сказках, его внимательный взгляд возле старого камня. Всё, что ещё недавно казалось естественным и приятным, теперь приобретало другой смысл. Она не знала, насколько далеко простирался обман, но уже понимала, что Иван с самого начала знал о ней больше, чем она о нём.

— Нет, — сказала она. — Никуда я с вами не пойду.

Иван сделал шаг ближе.

— Злата, здесь нельзя оставаться.

— Тогда верните меня обратно.

— Это не так просто.

— Вы привели меня сюда, значит, знаете, как отсюда выбраться.

Он хотел что-то ответить, но в этот момент за деревьями раздался негромкий звон, похожий на удар по тонкому стеклу. Иван резко повернул голову, и Злата впервые увидела на его лице настоящее беспокойство.

— Нам нужно уходить, — повторил он. — Сейчас.

Он протянул руку, собираясь взять её за локоть, но Злата отступила. Ей не хотелось позволять ему прикасаться к себе, и ещё меньше хотелось следовать за человеком, который только что признался в обмане. Она посмотрела на арку, стоявшую в нескольких шагах позади, и вдруг поняла, что это единственное место, сохранившее хотя бы отдалённое сходство с прежним садом.

Если проход привёл её сюда, возможно, через него можно было вернуться.

Иван проследил за её взглядом.

— Злата, не надо.

Она не ответила. Её внимание привлекло движение между деревьями: далеко за аркой, там, где должна была находиться деревенская дорога, мелькнуло что-то светлое. На мгновение

Злате показалось, что она видит знакомый белый забор, а за ним — крышу одного из домов. Возможно, это была всего лишь игра света, но надежда оказалась сильнее осторожности.

— Я не собираюсь идти с вами неизвестно куда, — сказала она и быстро направилась к арке.

Иван окликнул её, но Злата уже ускорила шаг. Она слышала, как он идёт следом, и это заставило её почти побежать. Ветки цеплялись за рукава, мокрая трава хлестала по ногам, а под подошвами неожиданно захрустели мелкие камни. Арка приближалась, и за ней всё отчётливее проступала знакомая дорожка.

— Злата, стойте!

Она не остановилась.

В последний момент Иван попытался схватить её за руку, но Злата вырвалась и шагнула под деревянную перекладину. Ей показалось, что воздух на мгновение стал плотным, словно она прошла сквозь холодную воду. В ушах зашумело, перед глазами потемнело, и она едва удержалась на ногах, ухватившись за один из столбов.

Когда головокружение прошло, Злата обнаружила, что стоит на знакомой дорожке.

Перед ней тянулся старый яблоневый сад. Под деревьями лежали опавшие плоды, между ветвями пробивался бледный дневной свет, а вдали виднелась покосившаяся ограда. Всё выглядело почти так же, как несколько минут назад, и Злата испытала такое облегчение, что едва не рассмеялась.

Она обернулась.

Ивана не было.

За аркой начиналась узкая тропинка, уходившая в заросли, но никакого тёмного леса с чёрными стволами больше не существовало. Злата постояла несколько секунд, прислушиваясь, затем осторожно сделала шаг назад. Ничего не произошло. Арка оставалась обыкновенной старой конструкцией, покрытой диким виноградом, а на её перекладине по-прежнему виднелись потемневшие от времени знаки.

Злата не стала проверять, что случится, если пройти под ней ещё раз.

Она почти бегом направилась к деревне, стараясь не думать о том, что произошло. Возможно, у неё случился приступ головокружения. Возможно, Иван каким-то образом разыграл её, хотя объяснить исчезновение дороги и странное изменение света было бы непросто. В любом случае сейчас главное — вернуться к Прасковье Андреевне, выпить воды, успокоиться и разобраться в случившемся.

Первые дома показались за поворотом, и Злата невольно замедлила шаг.

Что-то было не так.

Она не сразу поняла, что именно. Деревня выглядела знакомой: те же деревянные заборы, узкая улица, старые липы возле колодца. Но в воздухе стояла необычная тишина. Не слышалось ни голосов, ни лая собак, ни стука топора, который ещё утром доносился из соседнего двора. Даже куры, обычно беспрестанно копошившиеся возле огородов, куда-то исчезли.

Злата остановилась у первой калитки.

Во дворе никого не было. Дверь дома стояла приоткрытой, на крыльце лежало перевёрнутое ведро, а возле забора валялась детская игрушка — маленькая деревянная лошадка с отломанным колесом. Злата вспомнила, что видела здесь мальчика, игравшего с такой же лошадкой вчера днём, и почувствовала неприятный холод в животе.

Она пошла дальше.

На соседнем дворе сохло бельё. Верёвка провисла под тяжестью мокрых простыней, которые неподвижно висели в сыром воздухе. Возле одного из домов стояла тележка с дровами, но человека, который должен был их разгружать, нигде не было видно. Окна казались тёмными, словно дома давно оставили, хотя на некоторых подоконниках по-прежнему стояли цветочные горшки, а возле дверей лежали аккуратно сложенные поленья.

Злата ускорила шаг.

— Эй! — позвала она. — Здесь кто-нибудь есть?

Её голос прозвучал неожиданно громко и почти сразу затих между домами. Никто не ответил.

Она достала телефон. Связи по-прежнему не было, но теперь это обстоятельство показалось ей гораздо более тревожным, чем прежде. Злата попыталась набрать номер матери, дождалась сообщения об отсутствии сети и убрала телефон обратно в карман. Руки слегка дрожали, и она рассердилась на себя за это. Паника не помогла бы ей ни найти людей, ни понять, куда исчез Иван.

Дом Прасковьи Андреевны стоял на прежнем месте.

Злата узнала резные наличники, рябину возле крыльца и старую калитку, которую хозяйка каждое утро открывала с характерным скрипом. Но теперь калитка висела на одной петле, а дорожка к дому заросла травой. Рябина казалась старше и выше, её ветви почти касались крыши, а на стенах появились тёмные пятна, которых Злата раньше не замечала.

Она остановилась перед крыльцом, не веря собственным глазам.

— Прасковья Андреевна! — позвала она.

Ответа не последовало.

Злата поднялась по ступеням и постучала. Дверь подалась под её рукой, открыв тёмные сени. Внутри пахло пылью и сыростью. На полу лежали сухие листья, в углу висела паутина, а из кухни доносился едва различимый скрип, будто где-то медленно раскачивалась незакреплённая доска.

Она вошла в дом.

Кухня была пустой. На столе стояла старая чашка с треснувшей ручкой, возле печи валялись несколько поленьев, а на подоконнике лежал толстый слой пыли. Злата узнала знакомую скатерть, но теперь она была выцветшей и покрытой пятнами, словно пролежала здесь много лет. Там, где утром стояла банка мёда, виднелся только светлый круг на деревянной поверхности.

Злата медленно провела пальцем по столу.

На коже осталась пыль.

Она поднялась наверх, почти не чувствуя ступеней под ногами. Дверь её комнаты была открыта. Внутри стояла та же кровать, тот же письменный стол и старый шкаф возле стены, но постельное бельё исчезло, матрас покрылся серыми пятнами, а на полу лежали куски облупившейся штукатурки. Окно было разбито, и через трещину в стекле проникал холодный воздух.

Злата подошла к подоконнику.

Три длинные царапины оставались на прежнем месте.

Она смотрела на них несколько секунд, чувствуя, как внутри постепенно исчезает последняя надежда на простое объяснение. Комната была той же самой, но время словно прошло через неё, оставив следы многолетнего запустения. Всё, что ещё утром казалось привычным и уютным, теперь выглядело чужим, давно покинутым.

Злата опустилась на край кровати, не обращая внимания на пыль.

Она не знала, сколько просидела так, пытаясь собрать мысли. Возможно, минуту, возможно, гораздо дольше. Ей хотелось закрыть глаза и проснуться в настоящей комнате, услышать, как Прасковья Андреевна гремит посудой внизу, почувствовать запах свежего хлеба и услышать привычное недовольное замечание о том, что молодёжь слишком поздно встаёт.

Но дом оставался тихим.

Где-то за окном скрипнула ветка.

Злата подняла голову и вдруг поняла, что снаружи начинает темнеть. Солнце, которое ещё недавно стояло достаточно высоко, теперь скрывалось за крышами, а тени между домами

вытянулись и стали почти чёрными. Она не могла объяснить, сколько времени прошло с момента её возвращения через арку, но мысль о приближающейся ночи заставила её подняться.

Оставаться здесь было нельзя.

Она спустилась по лестнице и вышла на улицу. Воздух стал заметно холоднее, а над деревней поднимался лёгкий туман. Злата посмотрела в сторону центральной улицы, надеясь увидеть хотя бы одного человека, но между домами по-прежнему никого не было. Лишь возле старого колодца, на противоположной стороне дороги, стояла неподвижная фигура.

Злата замерла.

Сначала ей показалось, что это женщина в длинном светлом платье. Фигура стояла спиной, слегка склонив голову, и не двигалась. Злата уже собиралась окликнуть её, когда заметила, что платье касается земли, но под ним не видно ног. Туман медленно клубился вокруг неподвижного силуэта, и на мгновение ей почудилось, будто женщина не стоит, а висит в нескольких сантиметрах над дорогой.

Она отступила к калитке.

Фигура медленно повернула голову.

Злата не стала ждать, пока та обернётся полностью. Она развернулась и побежала по улице, стараясь не оглядываться. За спиной раздался тихий звук, похожий на шелест мокрой ткани, а затем кто-то произнёс её имя.

Голос был незнакомым.

Злата прибавила шаг, чувствуя, как сердце болезненно колотится в груди. Она не знала, куда бежит, не представляла, где можно спрятаться, и всё яснее понимала, что пустая деревня вовсе не была безопаснее леса. Дома тянулись по обе стороны дороги, окна смотрели на неё тёмными провалами, а туман постепенно сгущался, скрывая дальние повороты.

Она свернула за угол и едва не столкнулась с человеком, стоявшим посреди улицы.

Иван успел поймать её за плечи прежде, чем она упала.

— Злата!

Она подняла голову и несколько секунд смотрела на него, не в силах произнести ни слова. Он выглядел взволнованным, волосы растрепались, на рубашке появились тёмные пятна, а привычной улыбки не было и следа. Злата никогда прежде не видела его таким и в другой ситуации, возможно, испытала бы облегчение от того, что он действительно беспокоится о ней.

Но сейчас она слишком хорошо помнила его признание.

— Не трогайте меня, — сказала она и попыталась отстраниться.

Иван отпустил её, но сразу посмотрел через плечо, туда, откуда она прибежала.

— Вы видели кого-нибудь?

Злата хотела ответить, однако в этот момент из тумана донёсся тот же тихий шелест. Иван побледнел, схватил её за руку и потянул к ближайшему дому. Она попыталась сопротивляться, но он уже открыл перекошенную калитку, провёл её во двор и заставил пригнуться за низкой каменной оградой.

— Тише, — прошептал он.

Злата замерла, прислушиваясь.

За забором послышались медленные шаги. Они были почти неслышными, словно кто-то шёл босиком по мокрой земле, но между ними возникал странный скользящий звук, напоминавший движение тяжёлой ткани. Шаги приблизились, остановились возле калитки, и Злата почувствовала, как Иван крепче сжал её запястье.

Она посмотрела на него. Он не отрывал взгляда от дороги, а на его лице было выражение такой напряжённой сосредоточенности, что Злата впервые подумала: возможно, он боится не меньше её.

Шаги постояли за забором ещё несколько секунд, затем медленно удалились.

Иван не сразу отпустил её. Он подождал, пока звук окончательно исчезнет, осторожно выглянул из-за ограды и только после этого выпрямился.

— Теперь можно, — сказал он.

Злата поднялась, чувствуя, как дрожат колени. Ей хотелось потребовать объяснений, но голос почему-то не слушался. Она посмотрела на пустую улицу, затем на Ивана, и наконец произнесла:

— Что это за место?

Он не ответил сразу. Его взгляд скользнул по заброшенным домам, тёмным окнам и туману, который уже почти полностью скрыл дальний конец улицы.

— Бережки, — сказал он наконец. — Только не те, которые вы знаете.

Злата почувствовала, как внутри снова поднимается злость.

— Я это уже поняла. Где настоящая деревня?

— Осталась по другую сторону.

— Тогда почему вы не можете просто вернуть меня обратно?

Иван посмотрел на неё с усталостью, которая совершенно не вязалась с его молодым лицом.

— Потому что дорога обратно не всегда открывается там же, где вход.

Злата вспомнила арку, старую резьбу и слова Марфы Семёновны. Она вспомнила, как легко прошла под деревянной перекладиной, надеясь вернуться домой, и как быстро исчез Иван. Теперь становилось ясно, что она не вернулась в прежний мир, а лишь оказалась в его странном, опустевшем подобии.

— Вы знали, что так будет? — спросила она.

Иван помолчал.

— Я знал, что вы можете попытаться вернуться.

— И ничего не сказали?

— Я пытался вас остановить.

— После того как сами привели меня сюда!

Он опустил глаза, и Злата вдруг поняла, что не получит от него ответа, который мог бы хоть немного облегчить происходящее. Она не знала, зачем Ивану понадобилось обманывать её, кто приказал ему привести её в Навь и что собираются с ней делать. Но одно было очевидно: доверять ему больше нельзя.

За забором снова послышался далёкий звон.

Иван поднял голову.

— Нам нужно уходить. Пока не стемнело окончательно.

Злата посмотрела на дорогу, уходившую между пустыми домами. Ей хотелось остаться, найти другой выход, доказать себе, что она способна разобраться во всём самостоятельно. Но туман становился гуще, а где-то за деревьями вновь раздался шелест, от которого у неё похолодели руки.

Она поправила рюкзак и медленно кивнула.

— Хорошо. Но это не значит, что я вам верю.

Иван посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Я знаю.

Они вышли со двора и направились к окраине деревни. Злата держалась на несколько шагов позади, стараясь не смотреть на Ивана и не думать о том, как легко ещё утром смеялась над его шутками. Теперь ей казалось почти невероятным, что всё началось с обычной прогулки по старому саду, с яблок и разговора о деревенских прозвищах.

За их спинами оставались пустые Бережки, в которых не было ни Прасковьи Андреевны, ни Марфы Семёновны, ни людей, ещё недавно занимавшихся своими обыкновенными делами.

Только дома, дороги и старые деревья, сохранившие знакомые очертания, но утратившие всё, что делало их частью привычного мира.

Злата не знала, куда ведёт её Иван. Не знала, что ждёт впереди и существует ли вообще путь обратно. Она понимала лишь одно: теперь ей придётся искать ответы среди тех, кто с самого начала предпочитал скрывать от неё правду.

И впервые за всё время, проведённое в Бережках, ей захотелось, чтобы сказки действительно оставались только сказками.

По ту сторону

К тому времени, когда они добрались до последнего дома, туман окончательно скрыл церковную колокольню. Злата несколько раз оглядывалась на деревню, хотя прекрасно помнила предупреждения Марфы Семёновны, и всякий раз обнаруживала, что знакомые очертания улицы становятся всё менее различимыми. Дома словно отступали в белёсую мглу, теряя крыши, окна и заборы, пока от них не оставались только тёмные пятна, напоминавшие старые фотографии, с которых постепенно стирали изображение. Особенно неприятным было отсутствие звуков. В настоящих Бережках даже ночью можно было услышать собачий лай, скрип калитки или далёкий шум проезжающей машины. Здесь же тишина казалась не следствием отсутствия людей, а чем-то самостоятельным, существовавшим независимо от деревни.

Иван шёл впереди, внимательно выбирая дорогу. Он больше не пытался шутить и почти не разговаривал, лишь изредка останавливался, чтобы прислушаться к чему-то, недоступному слуху Златы. Несколько раз она замечала, как он смотрит на окна пустых домов, словно опасается увидеть за ними знакомые лица. Это не прибавляло ей спокойствия. После встречи с женщиной у колодца Злата предпочла бы вообще не смотреть по сторонам, но заставить себя идти, не проверяя, что происходит вокруг, оказалось неожиданно трудно.

Возле старой часовни Иван остановился.

В настоящей деревне часовня стояла за невысокой оградой, среди зарослей крапивы и нескольких покосившихся надгробий. Здесь её окружали высокие деревья, которых Злата не помнила, а дверь, прежде заколоченная досками, теперь была приоткрыта. Внутри темнел узкий проход, уходивший куда-то в глубину, хотя сама постройка была настолько маленькой, что в ней едва ли поместились бы три человека.

Злата невольно задержала на нём взгляд.

— Мы туда не пойдём, — сказал Иван, заметив её интерес.

— Я и не собиралась.

— Хорошо. Здесь лучше не проявлять лишнего любопытства.

Она посмотрела на него с раздражением. За последние несколько часов Иван успел дать ей столько предупреждений, что Злата начала подозревать: в Нави вообще не существует мест, где можно находиться без риска для жизни.

— Ты мог бы хотя бы объяснить, чего именно следует опасаться, — сказала она и только после этих слов заметила, что впервые обратилась к нему на «ты».

Иван тоже заметил. Он повернул голову, и на его лице мелькнуло знакомое выражение, в котором насмешка смешивалась с неподдельным удовольствием.

— А я уж думал, мы до конца жизни будем друг другу выкать.

— Не обольщайся. Это не знак особенного доверия.

— Конечно. Просто теперь тебе удобнее на меня сердиться.

Злата хотела возразить, но обнаружила, что он совершенно прав. После всего случившегося подчеркнутая вежливость действительно казалась нелепой. Она могла обращаться на «вы» к незнакомому человеку, который показывал ей деревню и рассказывал старые истории, но продолжать делать это с тем, кто обманом завёл её в потусторонний мир, было бы почти издевательством над здравым смыслом.

— Раз уж мы выяснили этот чрезвычайно важный вопрос, — произнесла она, — может быть, ты наконец расскажешь, что происходит?

Иван посмотрел на часовню, затем на дорогу впереди.

— Расскажу. Только давай сначала выйдем из деревни.

Злата почувствовала, как раздражение возвращается с новой силой. Она уже собиралась напомнить ему о данном обещании, когда из приоткрытой двери часовни донёсся тихий скрип.

Звук был негромким, похожим на движение старых петель, но Иван мгновенно изменился в лице. Он взял Злату за локоть и повёл дальше, не дожидаясь её согласия.

На этот раз она не сопротивлялась.

За последними домами начиналась дорога, которую Злата помнила ещё по первому дню своего пребывания в Бережках. Тогда она шла вдоль невысоких лугов, постепенно переходивших в лес, а на обочинах росли рябина, шиповник и редкие молодые берёзы. Теперь луга исчезли. По обе стороны тянулись заросли высокого папоротника, над которыми поднимались деревья с бледными, почти серебристыми стволами. Их листья казались тёмными даже там, где сквозь облака пробивался свет, а среди корней местами виднелись крупные белые грибы, похожие на опрокинутые чаши.

Злата попыталась определить время по положению солнца, но быстро отказалась от этой затеи. Небо над Навью было затянуто серыми облаками, за которыми угадывалось размытое светлое пятно. Оно не походило ни на привычное солнце, ни на луну, и Злата не могла понять, движется ли вообще. Часы на телефоне показывали половину четвёртого, хотя ей казалось, что с момента прогулки по яблоневому саду прошло гораздо больше времени.

Она проверила связь. Экран по-прежнему сообщал об отсутствии сети, а заряд батареи опустился до двадцати восьми процентов. Злата выключила телефон, решив беречь оставшуюся энергию. Ей было неприятно осознавать, насколько сильно она привыкла к маленькому устройству, которое теперь не могло помочь ей даже определить собственное местоположение.

Иван заметил её движение.

— Не работает?

— Нет. Удивительно, правда? Навь почему-то не входит в зону покрытия моего оператора.

Он улыбнулся, но на этот раз не стал развивать шутку.

Некоторое время они шли молча. Дорога постепенно сужалась, и Злате приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться о корни, выступавшие из земли. В нескольких местах на обочине стояли деревянные столбы, покрытые старой резьбой. Некоторые напоминали обычные дорожные указатели, но надписи на них были стёрты, а стрелки указывали в направлениях, где не существовало даже намёка на тропинку.

Злата остановилась возле одного из таких столбов.

— Это дороги? — спросила она.

Иван обернулся.

— Иногда.

— Что значит «иногда»?

— Здесь не всякая дорога остаётся на месте. Бывает, идёшь по знакомой тропе, а она выводит совсем в другую сторону.

Злата вспомнила рассказ Марфы Семёновны о мужчине, который три дня блуждал возле Забытого лога. Тогда история показалась ей любопытным примером местного предания, но теперь она смотрела на дорожный столб с совершенно иным чувством.

— Значит, всё, что рассказывала Марфа Семёновна, правда?

— Не всё, — ответил Иван. — Она любит прибавить для красоты.

— А про нехоженые тропы?

— Про них лучше слушать внимательно.

Он подошёл к столбу и провёл пальцами по одной из стёртых надписей. Злата заметила, что на дереве сохранился тот же знак, который она видела на камне с красными лентами и на арке в яблоневом саду. Ей захотелось достать фотоаппарат, но Иван уже направился дальше, и она решила отложить исследование до более подходящего момента.

— А куда мы идём? — спросила она, догоняя его.

— К человеку, который сможет объяснить, зачем ты здесь.

— И кто этот человек?

Иван некоторое время молчал.

— Кощей.

Злата остановилась.

Она была уверена, что ослышалась. Слово прозвучало настолько неожиданно, что на мгновение вернуло происходящему почти комический оттенок. После Нави, исчезнувшей деревни и женщины, скользившей над дорогой, появление Кощея Бессмертного, вероятно, следовало считать закономерным развитием событий, но Злата всё равно не смогла удержаться от недоверчивого смешка.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Кощей Бессмертный?

— Обычно его так и называют.

Злата посмотрела на него, ожидая, что он наконец улыбнётся и признается в очередной шутке. Но Иван выглядел совершенно спокойным, словно сообщил ей имя местного старосты.

— И зачем Кощею понадобилась студентка-филолог? — спросила она.

— Не знаю.

— Не знаешь или не хочешь говорить?

Он повернулся к ней. На этот раз в его взгляде не было привычной насмешки.

— Не знаю, Злата. Мне велели привести тебя. Остального мне не объяснили.

Она некоторое время смотрела на него, пытаясь определить, говорит ли он правду. После всего случившегося доверять Ивану было трудно, но его ответ прозвучал настолько просто, что Злата не сразу нашлась с возражением.

— А ты всегда выполняешь чужие приказы? — спросила она наконец.

Иван отвёл взгляд.

— Не всегда.

— Но этот решил выполнить.

— Да.

Злата почувствовала, как внутри снова поднимается злость. Она вспомнила их прогулки по Бережкам, разговоры возле старой церкви, яблоко, которое он разломил пополам и протянул ей на кладбищенской ограде. Всё это теперь казалось частью тщательно продуманного обмана, и оттого было особенно неприятно вспоминать, как легко она позволила себе увлечься новым знакомым.

— Значит, ты просто изображал дружелюбие, чтобы я пошла за тобой?

Иван остановился. Некоторое время он смотрел на неё с выражением, которое Злата не могла прочитать, затем медленно покачал головой.

— Я не всё изображал.

Ответ прозвучал тише, чем она ожидала.

Злата хотела спросить, что именно он имеет в виду, но вовремя остановилась. Ей не хотелось снова позволять его словам влиять на собственное настроение. В конце концов, человек, который обманом привёл её в Навь, вполне мог продолжать говорить то, что считал необходимым.

— Очень утешительно, — произнесла она и пошла дальше.

Иван не стал её останавливать.

Лес постепенно становился гуще. Деревья здесь были выше, чем в окрестностях Бережков, а их кроны переплетались так тесно, что свет почти не достигал земли. Между стволами висели длинные нити серого мха, похожие на старые кружева, и Злата несколько раз замечала на них мелкие блестящие капли, которые не падали вниз, даже когда ветви шевелились. В воздухе пахло влажной корой, грибами и чем-то сладковатым, напоминавшим увядшие цветы.

Иван шёл уверенно, иногда сворачивая с дороги на едва заметные тропинки. Злата старалась запоминать повороты, но быстро обнаружила, что это почти невозможно. Несколько раз ей казалось, что они проходят мимо одного и того же дерева с раздвоенным стволом, хотя Иван каждый раз утверждал, что они движутся вперёд. Она начала делать мысленные отметки, считая шаги между поворотами, но вскоре сбилась и оставила попытки.

В какой-то момент они вышли к ручью.

Вода текла между тёмными камнями, покрытыми густым мхом. На первый взгляд ручей ничем не отличался от обычного, но когда Злата наклонилась, чтобы рассмотреть отражение, ей показалось, что в воде виднеется небо, совершенно не похожее на то, которое находилось над ними. Вместо серых облаков там сияла глубокая синева, а между ветвями отражённых деревьев мерцали маленькие светлые точки, напоминавшие звёзды.

Она выпрямилась.

— Иван, посмотри.

Он подошёл ближе, бросил взгляд на воду и кивнул.

— Не трогай.

— Почему?

— Потому что это не совсем вода.

Злата посмотрела на него с усталым недоверием.

— Здесь вообще есть что-нибудь, что является тем, чем кажется?

Иван задумался.

— Камни, наверное.

Она перевела взгляд на ближайший валун, покрытый мхом.

— Даже спрашивать не буду.

Он улыбнулся, и на мгновение Злате показалось, что они снова гуляют по настоящим Бережкам, обсуждая старые надписи и деревенские суеверия. Ощущение было настолько неожиданным, что она поспешно отвернулась.

Они перешли ручей по узкому деревянному мосту. Доски под ногами скрипели, но выглядели достаточно крепкими, а на перилах сохранились следы старой резьбы. Злата заметила, что Иван старается не смотреть в воду, и решила последовать его примеру.

За ручьём дорога стала шире. Между деревьями появились небольшие поляны, заросшие высокой травой, а вдалеке виднелись очертания холмов. Злата почувствовала усталость. За последние часы она почти ничего не ела, много ходила и пережила столько событий, что теперь организм, кажется, начал требовать хотя бы короткого отдыха.

Иван заметил, что она отстаёт, и остановился.

— Устала?

— Немного.

— Можем передохнуть.

Злата хотела отказаться, но ноги действительно болели, а плечи ныли от тяжести рюкзака. Она согласилась, и они устроились на поваленном дереве возле дороги. Иван достал из кармана небольшой свёрток, развязал ткань и предложил ей кусок хлеба с сыром.

Злата посмотрела на угощение с подозрением.

— Это безопасно?

— Насколько может быть безопасен хлеб с сыром.

— После твоих рассказов я уже ни в чём не уверена.

Иван отломил кусок и съел, демонстрируя полное отсутствие опасений. Злата подождала несколько секунд, затем всё-таки приняла угощение. Хлеб оказался свежим, с плотной корочкой, а сыр — солоноватым и неожиданно вкусным. Она почувствовала, насколько голодна, только после первого укуса.

Некоторое время они ели молча.

Злата смотрела на лес, пытаясь разобраться в собственных мыслях. С научной точки зрения происходящее не поддавалось объяснению. Она знала достаточно о славянском фольклоре, чтобы узнавать отдельные мотивы, но знания, которые ещё вчера казались полезными и увлекательными, теперь выглядели почти беспомощными. В университетской библиотеке можно было спорить о происхождении образа Кощея, о поздних наслоениях в сказочных сюжетах и о том, насколько достоверны реконструкции древних верований. Здесь же все эти вопросы приобретали совершенно иной смысл.

Она вспомнила слова Марфы Семёновны о дороге, которая сама выбирает, куда вести путника, и невольно посмотрела на Ивана.

— Ты давно здесь живёшь? — спросила она.

Он поднял голову.

— Давно.

— Сколько лет?

Иван помолчал.

— Не помню.

Злата нахмурилась.

— В каком смысле?

— В самом обычном.

— Ты не помнишь, сколько тебе лет?

Он пожал плечами.

— А разве это так важно?

Злата посмотрела на него с недоверием. Ей уже начинало казаться, что Иван намеренно превращает любой личный вопрос в очередную загадку. Но теперь его лицо оставалось серьёзным, и она не могла понять, действительно ли он уклоняется от ответа или говорит правду.

— А в Бережках ты давно живёшь?

— Бываю там.

— Но Прасковья Андреевна знает тебя с детства.

Иван отвёл взгляд.

— Она многое помнит.

Злата вспомнила, как хозяйка сказала, что Иванушка не всегда был таким весёлым. Тогда замечание показалось ей странным, но теперь она начинала подозревать, что за ним скрывается нечто гораздо более серьёзное.

— Ты ведь не обычный человек, да? — спросила она.

Он посмотрел на неё и неожиданно улыбнулся.

— А каким должен быть обычный человек?

— Хотя бы помнить собственный возраст.

— Справедливо.

Злата вздохнула. Она уже собиралась продолжить расспросы, когда Иван вдруг поднял руку, призывая её замолчать.

Из леса донёсся тихий звук.

Сначала Злата приняла его за птичий крик, но потом услышала снова и поняла, что кто-то смеётся. Смех был высоким, почти детским, и раздавался где-то между деревьями. Через несколько секунд к нему присоединился второй голос, затем третий, и вскоре казалось, что в лесу смеётся целая компания.

Иван медленно поднялся.

— Собирай вещи.

Злата встала, чувствуя, как по спине пробежал холод.

— Кто это?

— Неважно. Нам лучше уйти.

Она быстро убрала остатки еды в рюкзак и последовала за ним. Смех постепенно приближался, хотя вокруг по-прежнему никого не было видно. В какой-то момент Злата различила среди голосов собственное имя, произнесённое тонким, почти ласковым голосом, и невольно ускорила шаг.

Иван взял её за руку.

— Не слушай.

Она не стала спорить.

К вечеру лес начал меняться.

Злата не могла объяснить, в чём именно заключалась перемена. Деревья оставались такими же высокими, дорога по-прежнему вилась между корнями, но воздух постепенно наполнялся холодом, а свет приобретал сероватый оттенок. На ветвях появились крупные тёмные птицы, которые провожали путников неподвижными взглядами. Иногда одна из них расправляла крылья, и Злата замечала, что перья на внутренней стороне отливают серебром.

Вдалеке несколько раз раздавался низкий протяжный звук, напоминавший колокольный удар. Каждый раз Иван останавливался и прислушивался, но ничего не объяснял. Злата уже перестала спрашивать. Она чувствовала себя слишком уставшей, чтобы спорить, и постепенно начала сосредотачиваться исключительно на дороге под ногами.

Когда они вышли к развилке, Иван неожиданно остановился.

Перед ними расходились три тропинки. Левая уходила в густой ельник, правая спускалась к низине, заполненной туманом, а средняя вела между двумя огромными дубами, чьи ветви переплетались над дорогой, образуя подобие свода. На одном из стволов висела старая деревянная табличка, покрытая почти стёртыми знаками.

Иван долго смотрел на развилку.

— Что-то не так? — спросила Злата.

— Дорога изменилась.

Она почувствовала, как внутри снова поднимается тревога.

— Разве ты не говорил, что здесь такое бывает?

— Бывает. Только не должно было случиться сейчас.

Он подошёл к табличке, провёл пальцами по надписи и нахмурился. Злата заметила, что его уверенность впервые за всё время путешествия заметно поколебалась. Иван выглядел человеком, который обнаружил, что привычная карта больше не соответствует местности.

— И что будем делать? — спросила она.

Он посмотрел на среднюю тропинку.

— Попробуем пройти здесь.

— Попробуем?

— Другого выхода пока не вижу.

Злата не понравился ответ, но возражать было бессмысленно. Она поправила рюкзак и пошла следом. Дубы оказались гораздо выше, чем выглядели издалека, а их корни выступали из земли, словно толстые переплетённые змеи. Под ногами лежали сухие листья, хотя на ветвях ещё сохранялась густая зелёная листва.

Они прошли под сводом и оказались на узкой дороге, окружённой высокими деревьями. Злата сделала несколько шагов, затем неожиданно услышала за спиной знакомый голос.

— Злата!

Она остановилась.

Голос принадлежал Прасковье Андреевне.

Злата почувствовала, как сердце болезненно сжалось. Она прекрасно помнила пустой дом, покрытый пылью, и знала, что хозяйки здесь быть не может. Но голос прозвучал настолько отчётливо, что на мгновение ей захотелось обернуться и убедиться, что за спиной действительно никого нет.

Иван заметил её остановку.

— Не оглядывайся, — сказал он тихо.

Злата стиснула зубы и пошла дальше.

Голос повторился, теперь ближе. Прасковья Андреевна звала её домой, говорила, что ужин давно готов и что нечего ходить по лесу после заката. В её интонациях было столько привычного недовольства, что Злата почти увидела знакомую кухню, печь и старую скатерть на столе.

Она почувствовала, как к глазам подступают слёзы, и рассердилась на себя за эту слабость. Ещё утром она считала предупреждения хозяйки чрезмерными, а теперь готова была отдать что угодно, лишь бы снова услышать её голос в настоящем доме.

Иван крепче сжал её руку.

— Это не она.

— Я знаю, — ответила Злата, стараясь говорить ровно.

Они продолжили путь. Голос постепенно стих, уступив место шелесту листьев, и через некоторое время лес снова стал тихим. Злата не сразу заметила, что Иван всё ещё держит её за руку. Когда поняла, осторожно высвободила пальцы, но он не попытался удержать её.

Впереди между деревьями появился слабый свет.

Сначала Злата решила, что это отражение заходящего солнца, но вскоре различила очертания небольшого строения. На поляне стоял старый деревянный дом с высокой крышей, покрытой мхом. Из трубы поднимался тонкий дымок, а возле крыльца росли огромные подсолнухи, чьи тяжёлые головки были повёрнуты в сторону леса. Дом выглядел почти уютным, если не считать того, что его окна светились необычным зеленоватым светом.

Иван остановился на краю поляны.

— Здесь переночуем, — сказал он.

Злата посмотрела на дом с подозрением.

— А кто там живёт?

— Знакомые.

— Надеюсь, на этот раз не Кощей?

Иван улыбнулся.

— Нет. До него ещё далеко.

Злата вздохнула. Ей хотелось спросить, сколько именно им предстоит идти, но она уже подозревала, что ответ окажется неутешительным. Вместо этого она посмотрела на подсолнухи, которые медленно поворачивали головки вслед за их движением, и решила, что в Нави даже растения обладают неприятной привычкой наблюдать за людьми.

Они подошли к крыльцу. Иван поднялся по ступеням и постучал три раза.

За дверью послышались шаги.

Злата приготовилась увидеть пожилую женщину, лесника или кого-нибудь столь же подходящего для одинокого дома посреди леса. Но дверь открылась сама, медленно и совершенно бесшумно, а изнутри донёсся низкий женский голос:

— Иванушка, опять ты привёл неприятности на мой порог?

Иван улыбнулся так, словно услышал приветствие старого друга.

— Не неприятности. Гостью.

В глубине дома кто-то негромко рассмеялся.

— Это мы ещё посмотрим.

Злата стояла на крыльце, чувствуя, как усталость постепенно уступает место любопытству. Она уже достаточно узнала о Нави, чтобы не ожидать от неё ничего обыкновенного, но всё же надеялась, что хотя бы этой ночью ей удастся поспать в настоящей постели, не опасаясь исчезающих дорог, пустых деревень и голосов, зовущих из темноты.

Иван обернулся к ней.

— Ну что, пойдём?

Злата посмотрела на открытую дверь, за которой пахло травами, горячим хлебом и чем-то сладким, напоминавшим мёд. Потом перевела взгляд на Ивана.

— Если ты опять приведёшь меня куда-нибудь, откуда невозможно выбраться, — сказала она, — я действительно начну думать, что это у тебя привычка.

Он рассмеялся.

— Обещаю, на этот раз всё будет гораздо спокойнее.

Злата не поверила ни единому слову, но всё-таки переступила порог.

За её спиной дверь тихо закрылась, и лес остался снаружи.

Кощей

Тепло встретило Злату ещё на пороге, вместе с запахом свежего хлеба, печёных яблок и каких-то незнакомых трав, развешанных под потолком большими, небрежно связанными пучками. После долгих часов, проведённых среди сырых деревьев, где даже воздух казался пропитанным холодом, это было настолько неожиданно, что она невольно остановилась, позволяя Ивану пройти вперёд. За спиной остался лес, с его переменчивыми дорогами, чужими голосами и темнотой, в которой слишком многое двигалось без видимой причины; здесь же потрескивали дрова, звякала посуда, а на широкой печи, украшенной синими изразцами, сушились чьи-то шерстяные чулки.

Дом оказался значительно просторнее, чем выглядел снаружи. За узкими сенями открывалась большая комната с высоким потолком, тремя окнами и тяжёлыми деревянными шкафами, заставленными глиняными кувшинами, плетёными корзинами и банками, содержимое которых Злата предпочла бы рассматривать с некоторого расстояния. На стенах висели вышитые полотенца, старые связки ключей и несколько странных деревянных фигурок: птицы с человеческими лицами, звери с непропорционально длинными лапами, женщина, державшая в руках что-то похожее на веретено. Под потолочной балкой покачивался высушенный венок из колючих ветвей, перевитых красной нитью. Обстановка производила впечатление давно обжитого, несколько беспорядочного, но по-своему уютного жилища, в котором вещи занимали свои места не по прихоти хозяина, а в силу привычки, сложившейся за многие годы. Только окна были расположены странно: снаружи Злата совершенно точно видела два, причём оба выходили на поляну, а теперь третье обнаружилось на противоположной стене, и за ним темнели деревья, которых там, по всем законам геометрии, быть не могло.

Возле печи стояла женщина лет сорока на вид, высокая, крепко сложенная, с густыми тёмными волосами, заплетёнными в тяжёлую косу. Поверх длинного платья цвета спелой вишни она повязала светлый передник, на котором виднелись следы муки, и держала в руке деревянную ложку. Лицо у неё было открытое, с широкими скулами, тёмными глазами и несколькими морщинками у рта, свидетельствовавшими о привычке часто улыбаться, хотя в настоящий момент улыбаться она явно не собиралась. Женщина оглядела Ивана с головы до ног, задержала взгляд на его мокрых сапогах, затем перевела внимание на Злату, и выражение её лица сделалось ещё более недовольным.

— Значит, гостью привёл, — произнесла она, словно продолжая разговор, начатый ещё до их появления. — А предупредить заранее, конечно, ума не хватило.

— Агафья, — с укоризной протянул Иван, — ну разве можно так встречать старых друзей?

— Старых друзей я встречаю хорошо. Особенно когда они приходят без приглашения, приводят незнакомых девиц и выглядят так, будто за ними половина леса гонится.

— За нами никто не гнался.

— Вот и славно. Значит, хоть в этот раз никого от порога отгонять не придётся.

Она поставила ложку на край стола и подошла к Злате, которая уже успела приготовиться к расспросам, а заодно мысленно перебрать несколько вариантов объяснения своего появления в этом доме. Ни один не казался особенно убедительным. Впрочем, хозяйка не стала спрашивать ни имени, ни причины визита. Она осмотрела испачканные брюки, промокшую блузку и рюкзак, висевший на одном плече, после чего тяжело вздохнула и покачала головой с таким видом, словно именно этого и следовало ожидать от Ивана.

— Совсем замучил девчонку. Сколько вы по лесу бродили?

— Не так уж долго, — отозвался Иван.

— Я тебя не спрашивала.

Злата не удержалась от улыбки.

— Не знаю точно, — призналась она. — Здесь трудно понять, сколько прошло времени. Кажется, несколько часов.

— Несколько часов, — повторила Агафья, бросив на Ивана выразительный взгляд. — И всё это время ты, разумеется, рассказывал ей, какой замечательный у нас лес?

— Я рассказывал только самое интересное.

— Вот этого я и боялась.

Хозяйка решительно сняла с плеча Златы рюкзак, поставила его возле лавки и велела разуваться. Спорить с ней не хотелось, да и сил на это почти не осталось. Злата послушно стянула ботинки, чувствуя, как неприятно ноют ступни, и устроилась на широкой скамье возле печи. Агафья принесла ей сухие шерстяные носки, велела протянуть ноги поближе к теплу и отправилась разливать похлёбку. Иван тем временем совершенно освоился: достал из шкафа чашки, отыскал кувшин с каким-то горячим напитком и попытался незаметно прихватить с блюда печёное яблоко. Попытка закончилась тем, что хозяйка, даже не оборачиваясь, хлопнула его по руке полотенцем.

— Сначала гостю накорми, потом сам объедайся.

— А я, между прочим, тоже с дороги.

— Ты, между прочим, сам эту дорогу выбирал.

Злата взяла протянутую чашку обеими руками. Напиток пах мёдом, сушёной малиной и чем-то терпким, напоминавшим чабрец; после первого глотка по телу разлилось приятное тепло. Она с некоторым удивлением обнаружила, что начинает успокаиваться, хотя разумных оснований для этого не было. Наоборот, всё происходящее требовало предельной осторожности. Ещё вчера она сидела в деревенском доме Прасковьи Андреевны и пыталась объяснить себе происхождение царапин на подоконнике, а теперь находилась в жилище, которое нарушало законы пространства, пила неизвестный напиток и собиралась ужинать с людьми, о чьей природе почти ничего не знала. Но человеческая психика, очевидно, обладала удивительной способностью мириться с невозможным, если невозможное предлагало горячую еду и возможность наконец согреть ноги.

Её внимание привлекло большое зеркало в тяжёлой деревянной раме, висевшее между двумя шкафами. Стекло потемнело от времени, особенно по краям, где проступали серебристые пятна, однако отражение комнаты оставалось достаточно чётким. Злата различила в нём печь, стол, фигуру Ивана, наклонившегося над кувшином, и даже вышитое полотенце на противоположной стене. Только огромного чёрного кота, лежавшего на верхушке шкафа, в зеркале почему-то не оказалось. Она посмотрела на животное, потом снова на отражение, придвинулась немного в сторону и убедилась, что ошибки быть не может: шкаф виднелся целиком, вместе с корзиной и глиняным горшком, стоявшими рядом с котом, но место, которое тот занимал, оставалось пустым.

— На зеркала здесь лучше не засматриваться, — заметила Агафья.

Злата обернулась.

— Почему?

— Потому что они иногда показывают то, чего не надо. А иногда, наоборот, не показывают того, что надо бы увидеть.

— Например, вашего кота?

Агафья бросила взгляд на шкаф, где чёрный зверь лениво потянулся, продемонстрировав внушительные когти.

— А ему зачем в зеркале отражаться? Он и без того собой доволен.

Злата хотела уточнить, является ли это шуткой, но хозяйка уже поставила перед ней глубокую миску с похлёбкой. В густом бульоне плавали кусочки мяса, коренья и небольшие тёмные грибы с причудливо изогнутыми шляпками. Она на мгновение задумалась о том,

насколько разумно есть неизвестные растения в мире, где даже коты не отражаются в зеркалах, однако запах оказался настолько аппетитным, что все сомнения отступили. В конце концов, если Агафья собиралась её отравить, едва ли имело смысл предварительно снабжать гостью сухими носками.

— Вы давно здесь живёте? — спросила Злата, когда первый голод был утолён.

— Давно, — ответила Агафья.

— А дом всегда был таким?

— Каким?

Злата обвела взглядом комнату.

— Большим. Снаружи он кажется гораздо меньше.

— А ты часто судишь о домах по тому, как они снаружи выглядят?

— Обычно этого достаточно, чтобы предположить количество комнат.

— Здесь лучше не предполагать лишнего, — заметила хозяйка и уселась напротив. — Особенно о том, чего ещё не видела.

Иван тихо рассмеялся, но под взглядом Агафьи благоразумно занялся своей тарелкой. Злата почувствовала, что начинает понимать одну из особенностей Нави: местные жители не столько скрывали сведения, сколько считали само стремление получить определённый ответ признаком некоторой наивности. Впрочем, отказываться от расспросов она не собиралась. Если уж ей довелось попасть в мир, существование которого опровергало все известные представления о действительности, было бы непростительно не попытаться разобраться хотя бы в некоторых его правилах.

Разговор постепенно перешёл на дорогу. Иван упоминал названия мест, которых Злата прежде не слышала, Агафья спрашивала о переправах, старых тропах и каких-то людях, чьи имена не сопровождались объяснениями. Судя по тому, с какой непринуждённостью они обсуждали исчезнувшую мельницу, мост, который «опять ушёл не туда», и некую Марьяну, поссорившуюся с собственным отражением, подобные происшествия здесь относились к разряду повседневных неприятностей. Злата слушала с растущим интересом, мысленно отмечая всё, что могло пригодиться позднее, пока не услышала имя Кощея. Агафья, до того охотно поддерживавшая разговор, сразу посерьёзнела и поставила чашку на стол.

— Значит, всё-таки привёл, — сказала она.

Иван не ответил сразу.

— Ты ведь знала, что приведу.

— Знать и надеяться — разные вещи. Я надеялась, что у тебя хватит ума передумать.

— Не всё так просто.

— У тебя никогда не бывает просто, Иванушка. Только почему-то расплачиваться за это приходится не тебе одному.

Злата перестала есть. В этих словах было нечто большее, чем обычное недовольство хозяйки нежданными гостями. Агафья говорила с Иваном как человек, которому известны обстоятельства, остававшиеся для Златы тайной, и, судя по выражению его лица, попадала в довольно болезненное место.

— Простите, — вмешалась она, — а вы знаете, зачем я понадобилась Кощею?

Агафья повернулась к ней. Несколько мгновений женщина молчала, словно выбирая между желанием ответить и необходимостью промолчать, после чего медленно покачала головой.

— Знаю только, что Кощей редко делает что-нибудь без причины. И если уж он за что-то взялся, значит, давно всё обдумал.

— Это должно меня успокоить?

— Нет, девочка. Я вообще не собираюсь тебя успокаивать. Накормить, согреть, спать уложить — это пожалуйста. А сказки рассказывать о том, какой у нас добрый и заботливый хозяин, пусть сам Кощей берётся.

Она произнесла последние слова с таким выражением, что Злата невольно посмотрела на Ивана. Тот сидел, опустив глаза к тарелке, и с необыкновенной сосредоточенностью ломал кусочек хлеба на мелкие части. За всё время знакомства Злата успела привыкнуть к его улыбкам, насмешливым замечаниям и способности находить подходящий ответ даже в самых неподходящих обстоятельствах; теперь же он выглядел так, будто разговор задел тему, к которой он предпочёл бы не возвращаться.

После ужина Агафья отвела Злату наверх, в небольшую комнату под самой крышей. Узкая деревянная лестница поскрипывала под ногами, стены были обшиты тёмными досками, а на площадке висела связка сухих цветов, от которых исходил слабый горьковатый запах. Комната оказалась совсем маленькой по сравнению с просторным нижним этажом: здесь едва помещались кровать с высоким изголовьем, столик у окна и старый сундук, накрытый вышитым полотном. Над кроватью висел коврик с изображением дерева, на ветвях которого сидели птицы с длинными хвостами. Злата задержала на нём взгляд, вспомнив похожие мотивы на старинных рушниках, которые изучала во время подготовки к поездке, но усталость была слишком сильной, чтобы немедленно пускаться в размышления о символике мирового древа.

Агафья принесла кувшин с водой, чистое полотенце и длинную льняную рубашку. Злата поблагодарила её и, вспомнив о телефоне, спросила, не найдётся ли здесь возможности его зарядить. Пришлось объяснять, что именно она имеет в виду, и демонстрировать устройство, которое хозяйка некоторое время рассматривала с любопытством, переворачивая в руках и осторожно проводя пальцем по потемневшему экрану.

— Нет, такого у меня нет, — заключила она. — Да и не думаю, что тебе здесь от него будет много пользы.

Злата забрала телефон и убрала его обратно в рюкзак. Заряда оставалось немного, связи не было, а попытки определить местоположение потеряли всякий смысл ещё в тот момент, когда она обнаружила вторые Бережки. Тем не менее выключить устройство окончательно она пока не решалась. В нём хранились фотографии, переписка с матерью, привычные мелочи её прежней жизни, и само его присутствие казалось последним материальным доказательством того, что мир, из которого она пришла, не исчез вместе с дорогой домой.

Уже собираясь уходить, Агафья остановилась в дверях.

— И ещё, девочка. Если ночью кто-нибудь постучит в окно, не открывай.

Злата посмотрела на неё, затем перевела взгляд на окно, за которым темнели ветви деревьев.

— Мы же на втором этаже.

— Я знаю, где у меня второй этаж.

— А кто может постучать?

— Всякий.

Ответ прозвучал настолько невозмутимо, что Злата не сразу придумала, как на него реагировать.

— Даже если это будет Иван?

Агафья чуть приподняла брови.

— Особенно если это будет Иван.

Она вышла, оставив дверь неплотно прикрытой, и Злата некоторое время сидела на краю кровати, прислушиваясь к звукам дома. Внизу звенела посуда, негромко переговаривались Иван и Агафья, потрескивали дрова в печи. Сквозь щели между половицами доносился запах травяного чая, и всё это было настолько обыкновенным, что хотелось хотя бы на несколько минут забыть, где она находится. Но стоило подойти к окну и осторожно отодвинуть зана-

веску, как иллюзия рассеялась. Лес подступал вплотную к стенам дома, ветви едва не касались крыши, а между стволами, на разной высоте от земли, двигались маленькие огоньки. Сначала Злата приняла их за светлячков, но вскоре заметила, что огни перемещаются слишком ровно, словно кто-то несёт их по тропе, сохраняя одинаковое расстояние между собой. Она попыталась разглядеть фигуры в темноте, однако там, где должны были находиться люди, виднелся только туман.

Злата задёрнула занавеску и вернулась к кровати. Ей хотелось расспросить Агафью о зеркале, о доме, о Кощее и, пожалуй, ещё о десятке вещей, но гораздо сильнее хотелось наконец остаться одной. Слишком многое произошло за последние сутки, и каждое новое знакомство приносило не столько ответы, сколько очередные вопросы. Она вспомнила Прасковью Андреевну, её осторожные замечания об Иване, разговор с Марфой Семёновной, старую арку и голос матери, прозвучавший среди деревьев с такой пугающей достоверностью. До сих пор самым неприятным оставалось осознание, что она пошла за Иваном добровольно. Да, он солгал, умолчал о главном, намереннопривёл её к переходу, но ни разу не заставил силой. Злата сама решила, что ему можно доверять, и теперь не знала, какое из этих обстоятельств раздражает её сильнее.

Мысли о матери оказались ещё тяжелее. Злата предупреждала, что в деревне могут быть проблемы со связью, однако рано или поздно её отсутствие перестанет казаться обычной неприятностью. Мать начнёт звонить, писать, искать знакомых, способных связаться с местными жителями. Возможно, обратится в полицию. Злата попыталась представить, как будут выглядеть поиски человека, исчезнувшего в деревне, где никто не знает о существовании второй, мёртвой деревни по ту сторону старой арки, и почувствовала такую беспомощность, что пришлось сесть на кровати и несколько раз глубоко вдохнуть. Ей не хотелось плакать, особенно здесь, в чужом доме, где за стенами могли услышать даже то, чего она не произносила вслух. Она только крепче сжала край одеяла и пообещала себе, что найдёт способ вернуться, даже если для этого придётся разобраться во всех местных сказках до последней.

Внизу хлопнула дверь, затем послышались шаги на лестнице. Кто-то прошёл мимо её комнаты, задержался на мгновение у соседней и тихо постучал. Злата подумала об Иване, но вставать не стала. Она ещё не решила, что скажет ему при следующей встрече, и подозревала, что ни один из заготовленных вариантов не прозвучит достаточно убедительно. В конце концов усталость одержала верх, и она заснула, не успев погасить маленькую лампу возле кровати.

Утром её разбудил запах хлеба. Солнце пробивалось сквозь занавески, освещая доски пола и вышитое дерево над изголовьем, а где-то внизу уже вовсю шла домашняя жизнь: стучала посуда, скрипели половицы, кто-то негромко смеялся. Первые несколько секунд Злата лежала неподвижно, не понимая, где находится, и лишь затем вспомнила лес, Агафью и странный дом, в котором провела ночь. Вчерашние события не сделались менее невероятными после сна, зато голова прояснилась, а ноги почти перестали болеть. Она умылась холодной водой из кувшина, переоделась в свою одежду и тщательно собрала рюкзак, проверив, на месте ли блокнот, телефон и документы. Привычное действие немного успокоило. По крайней мере, некоторые вещи в её жизни всё ещё подчинялись понятным правилам.

Спускаясь по лестнице, Злата услышала незнакомый мужской голос. Он был низким, спокойным, с едва заметной насмешливой интонацией, и произносил слова так неторопливо, словно его обладатель располагал неограниченным запасом времени. Агафья отвечала коротко, без особенного дружелюбия. Иван тоже находился в комнате, однако его голос прозвучал лишь однажды, и Злата не смогла разобрать сказанного.

За столом, на том самом месте, где вчера сидела хозяйка, расположился незнакомый мужчина. На вид ему было около сорока, хотя определить возраст мешало странное сочетание молодости и чего-то почти неуловимо старческого во взгляде. Высокий, худощавый, с прямой осанкой и тёмными волосами, серебрившимися на висках, он выглядел так, словно только что

сошёл со старинного портрета. Длинный тёмно-зелёный кафтан был расшит тонким золотым узором, манжеты безукоризненно чисты, а на пальцах поблёскивали кольца с крупными камнями. Его лицо нельзя было назвать безупречно красивым: слишком резкими казались скулы, слишком выразительным — изгиб губ, слишком внимательными — глаза. И всё же в нём было то особенное обаяние, которое заставляет задержать взгляд, даже если разум настойчиво советует этого не делать.

Увидев Злату, незнакомец поднялся из-за стола с непринуждённой учтивостью человека, которому подобные жесты давно вошли в привычку.

— А вот и наша гостья. Доброе утро, Злата. Надеюсь, вы хорошо спали?

Она остановилась на последней ступеньке, настороженная тем, что мужчина знает её имя.

— Доброе утро. Простите, а мы знакомы?

— Пока нет, к сожалению. Хотя я уже довольно давно хотел с вами встретиться.

Он подошёл ближе и протянул руку. На губах его появилась улыбка — открытая, почти дружелюбная, но Злата почему-то не сомневалась, что эта улыбка не позволяла узнать о её обладателе ровным счётом ничего.

— Кощей.

Несколько мгновений она смотрела на него, ожидая продолжения. Имя было слишком знакомым, чтобы требовать пояснений, и слишком невероятным, чтобы принять его сразу. В детстве Кощей представлялся ей высохшим стариком, чьи кости гремят при ходьбе, а сердце надёжно спрятано где-нибудь за семью морями. Позднее, изучая сказочные сюжеты, она узнала множество вариантов этого образа: похититель невест, хранитель сокровищ, могущественный противник героя, владыка иного царства. Ни один из них не предполагал привлекательного мужчины в дорогом кафтане, который с безупречными манерами протягивает руку посреди чужой кухни.

— Бессмертный? — уточнила она, прежде чем успела подумать.

Мужчина рассмеялся. Смех оказался неожиданно приятным, искренним на слух и совершенно не похожим на зловещее карканье, которого какая-то нелепая часть её сознания всё ещё ожидала.

— Обычно эту часть имени опускают при знакомстве. Но если вам так удобнее, можете пользоваться полным вариантом.

Злата почувствовала, что краснеет, и мысленно обругала себя за глупый вопрос. Она пожала протянутую руку; ладонь Кощея была прохладной, пальцы длинными, а рукопожатие — коротким и уверенным. Иван стоял возле окна, скрестив руки на груди, и выглядел так, будто происходящее доставляло ему значительно меньше удовольствия, чем всем остальным. Агафья тем временем продолжала заниматься завтраком, с нарочитым усердием переставляя горшки возле печи.

— Полагаю, у вас накопилось немало вопросов, — заметил Кощей, приглашая Злату к столу.

— Несколько, — ответила она. — Но довольно существенных.

— Тем лучше. Терпеть не могу разговоры, в которых собеседнику нечего спросить.

Он дождался, пока она сядет, и занял место напротив. Агафья поставила перед Златой чашку горячего чая и тарелку с хлебом, после чего отошла к печи. Кощей поблагодарил её с такой безукоризненной вежливостью, что хозяйка лишь хмыкнула. Злата не могла избавиться от ощущения, что между ними существует давнее знакомство, осложнённое множеством обстоятельств, о которых никто не собирается рассказывать при посторонней. Особенно любопытным казалось отсутствие почтения со стороны Агафьи. Если Кощей действительно занимал в Нави положение, соответствующее своему сказочному имени, хозяйка либо обладала необыкновенной смелостью, либо знала его настолько давно, что перестала обращать внимание на подобные условности.

— Прежде всего, — начал Кощей, — я хотел бы принести извинения за обстоятельства вашего прибытия. Боюсь, Иван не всегда отличается необходимой деликатностью.

Злата медленно поставила чашку на стол.

— Иван обманом привёл меня в другой мир.

— Да, — согласился Кощей без малейшего колебания. — Понимаю, что это несколько осложняет наше знакомство.

— Несколько?

— Существенно, если вам угодно. Но я надеюсь, что мы не позволим неудачному началу испортить дальнейшее общение.

Она посмотрела на него с недоверием. Кощей произнёс это настолько спокойно, будто речь шла об опоздании на встречу или перепутанных приглашениях, а не о похищении человека из привычного мира. При этом в его тоне не было откровенного пренебрежения. Напротив, он внимательно следил за её реакцией, словно действительно стремился подобрать слова, способные сгладить неприятное впечатление. Именно это раздражало сильнее всего: он не отрицал случившегося, не пытался оправдываться, но каким-то образом превращал обсуждение собственной вины в обычную светскую беседу.

— Тогда давайте начнём с главного, — сказала Злата. — Зачем я вам понадобилась?

Кощей чуть склонил голову, и улыбка его стала менее заметной.

— Разумный вопрос. Видите ли, между нашими мирами существует граница. Очень старая, очень сложная и, к сожалению, не настолько надёжная, как прежде.

— Между Явью и Навью?

— Совершенно верно.

— И какое отношение к этому имею я?

— Самое непосредственное. Но чтобы вы поняли почему, придётся сначала поговорить о природе самой границы.

Он откинулся на спинку стула и на мгновение задумался, словно выбирая, с чего начать. За окном медленно покачивались ветви, на столе остывал чай, и Злата вдруг поймала себя на совершенно абсурдной мысли: если забыть об обстоятельствах, происходящее напоминало встречу с преподавателем, который собирался объяснить сложную тему студентке. Разница заключалась лишь в том, что преподаватель этот, по всей видимости, был бессмертным существом, а предмет разговора существовал вне всякой научной классификации.

— Вы ведь изучаете старинные предания, — продолжил Кощей. — Тогда вам наверняка известно, как часто в сказках герой пересекает границу между привычным миром и тем, что лежит за его пределами. Иногда он отправляется в лес, иногда спускается под землю, переправляется через реку или проходит через дверь, которую прежде никто не замечал. Подобные путешествия кажутся удивительными только тем, кто никогда не задумывался, почему одни и те же образы встречаются в совершенно разных историях.

— Потому что существуют устойчивые фольклорные мотивы, — ответила Злата. — Они распространяются, изменяются, переходят из одной традиции в другую. Это не означает, что описанные события происходили на самом деле.

— Разумеется, — охотно согласился он. — Но теперь, полагаю, вы располагаете некоторыми дополнительными сведениями.

Она невольно усмехнулась.

— С этим трудно спорить.

— Вот видите. А я всегда говорил, что личный опыт значительно полезнее чужих рассуждений.

— Особенно когда этот опыт получают против собственной воли?

Кощей улыбнулся, признавая удачный выпад.

— Справедливое замечание.

Он говорил с такой лёгкостью, что Злата на мгновение почти забыла о своём недоверии. Разговаривать с ним было интересно. Кощей не уклонялся от спора, не раздражался, когда его перебивали, и, кажется, получал удовольствие от её попыток возражать. Но чем дольше продолжалась беседа, тем отчётливее она замечала одну неприятную особенность: он охотно обсуждал всё, что не касалось непосредственно её положения, и неизменно становился осторожнее, едва разговор приближался к главному.

— Граница между Явью и Навью слабеет, — произнёс он наконец. — Дороги открываются там, где прежде их не было. Некоторые существа оказываются по другую сторону, сами того не желая, другие пользуются появившимися проходами намеренно. Старые запреты теряют силу, а места, которые столетиями оставались разделёнными, начинают соприкасаться. Пока это происходит редко, и большинство людей в вашем мире не замечают ничего необычного. Но подобные перемены имеют свойство накапливаться.

Злата вспомнила старую арку, исчезнувшую дорогу и мёртвые Бережки. Перед глазами возникла женщина у колодца, неподвижно стоявшая среди пустых домов, и от этого воспоминания по спине пробежал неприятный холод. Она до сих пор не знала, кем было то существо и что произошло бы, если бы Иван не появился вовремя.

— Вы хотите восстановить границу? — спросила она.

— В идеале — да.

— А я должна вам в этом помочь?

— Вы удивительно быстро схватываете суть.

— Тогда, возможно, вы объясните, почему именно я.

Кощей помолчал. Впервые за всё время разговора его ответ не последовал немедленно. Он взглянул на Ивана, стоявшего возле окна, затем снова на Злату, и она с раздражением заметила, что этот короткий обмен взглядами не остался незамеченным ни одним из присутствующих.

— Потому что вы обладаете некоторыми качествами, которые встречаются значительно реже, чем принято думать, — сказал он.

— Какими именно?

— Об этом нам лучше поговорить позже.

Злата сжала пальцы на ручке чашки.

— Вы понимаете, что пока не ответили практически ни на один мой вопрос?

— Понимаю, — спокойно признал Кощей. — И не стану требовать, чтобы вы были этим довольны. Однако некоторые вещи трудно объяснить человеку, который только вчера узнал о существовании Нави. Вам понадобится время, чтобы освоиться, познакомиться с нашим миром и разобраться в том, что здесь происходит.

— А если я не хочу осваиваться? Если я хочу домой?

— Ваше желание совершенно естественно.

— Но?

Он улыбнулся.

— Но прежде нам всё-таки придётся обсудить несколько обстоятельств.

Злата посмотрела на него, ожидая продолжения, однако Кощей уже повернулся к Ивану и заметил, что пора отправляться. Тот оттолкнулся от подоконника с явной неохотой. Агафья, молча слушавшая последние минуты разговора, поставила на стол кувшин с таким стуком, что Злата невольно вздрогнула. Хозяйка не сказала ни слова, но её лицо выражало достаточно красноречивое мнение обо всём услышанном.

— Куда мы отправляемся? — спросила Злата, поднимаясь.

— Ко мне домой, разумеется, — ответил Кощей. — Надеюсь, вы не возражаете против небольшой прогулки?

— А если возражаю?

Он остановился и посмотрел на неё с искренним, как показалось Злате, интересом.

— Тогда мне придётся постараться вас убедить.

Ей очень хотелось спросить, что произойдёт, если его старания окажутся безуспешными. Но присутствие Ивана, молчавшего у двери, и недавний разговор об обстоятельствах её появления в Нави подсказывали, что ответ едва ли понравится. Злата взяла рюкзак и направилась к выходу, решив пока не испытывать границы чужого терпения. Это не означало согласия; скорее, она собиралась воспользоваться единственной доступной возможностью узнать больше о человеке, который, по всей видимости, распоряжался её судьбой.

Агафья проводила их до крыльца. Утро оказалось прохладным, но ясным, и лес выглядел почти приветливо: солнечные лучи пробивались сквозь листву, на траве поблёскивала роса, а где-то неподалёку негромко стучал дятел. Злата поймала себя на том, что прислушивается к каждому звуку, пытаясь определить, принадлежит ли он обычному животному или чему-нибудь гораздо менее безобидному. Иван получил от хозяйки небольшой свёрток с едой и тут же попытался заглянуть внутрь, за что удостоился очередного неодобрительного взгляда. Кощей поблагодарил Агафью за гостеприимство, слегка поклонился и направился к тропе, будто не замечая, что женщина даже не попыталась ответить ему тем же.

Когда мужчины отошли на несколько шагов, Агафья неожиданно взяла Злату за руку. Её ладонь была тёплой и шершавой, пахла хлебом и сушёными травами.

— Ты смотри там, девочка, — сказала она негромко. — Не всему верь, что тебе расскажут. Особенно если красиво рассказывают.

Злата хотела спросить, что именно хозяйка имеет в виду, но та уже отпустила её и отвернулась к дому. Пришлось догонять остальных, оставив вопрос невысказанным. Впрочем, смысл предупреждения был достаточно очевиден. Кощей обладал редким умением превращать неприятные обстоятельства в увлекательную беседу, и Злата уже успела заметить, насколько легко поддаться его обаянию, если хотя бы ненадолго перестать помнить, по чьему приказу она оказалась здесь.

Дорога от дома Агафьи оказалась удивительно удобной. Вместо узких тропинок, которые вчера то исчезали среди деревьев, то приводили к совершенно незнакомым местам, перед ними тянулась широкая лесная дорога, утоптанная и местами выложенная плоскими камнями. Кощей шёл впереди с неторопливостью человека, хорошо знающего окрестности, и рассказывал о местных лесах, старых переправах и поселениях, от которых давно не осталось даже названий. Он упоминал события нескольких столетий так непринуждённо, словно речь шла о происшествиях минувшего лета, и Злата несколько раз ловила себя на желании достать блокнот. В его рассказах встречались подробности, которые любой исследователь фольклора счёл бы бесценными: забытые обычаи, странные запреты, истории о людях, случайно попавших в Навь и сумевших вернуться. Но каждый раз, когда она пыталась расспросить о последних подробнее, Кощей с удивительной ловкостью переводил разговор на другую тему.

Иван держался немного позади, и его молчание становилось всё заметнее. Обычно он не упускал случая вставить замечание, поддеть собеседника или рассказать какую-нибудь историю, в достоверности которой следовало усомниться уже после первых двух предложений. Теперь же он отвечал коротко, а порой и вовсе не вмешивался в разговор. Злата несколько раз оглядывалась на него, пытаясь понять причину перемены, но лицо Ивана оставалось непроницаемым. Ей не нравилось, что она вообще обращает на это внимание. После всего случившегося было бы гораздо разумнее относиться к нему исключительно как к человеку, которому нельзя доверять. Однако разумные решения редко избавляли от любопытства.

Лес начал редеть незаметно. Сначала между стволами появились широкие полосы света, затем деревья расступились, и дорога вывела их на пологий склон, откуда открывался вид на большую долину. Злата остановилась так резко, что Иван едва не столкнулся с ней.

На противоположном холме возвышался замок.

Она видела подобные сооружения на фотографиях, в исторических альбомах и старых фильмах, но ни одно изображение не могло передать того впечатления, которое производила эта громада из тёмного камня. Замок словно вырастал из скал, повторяя их неровные очертания; высокие стены поднимались над долиной, соединяя башни с крутыми крышами и узкими окнами, а над центральной частью здания возвышался массивный донжон, увенчанный несколькими острыми шпилями. Некоторые башни казались настолько древними, что камень на них потемнел почти до черноты, другие были сложены из более светлого материала и украшены резными балконами, ажурными карнизами и высокими стрельчатыми арками. На южной стороне виднелась длинная галерея с цветными стёклами, в которых отражалось утреннее солнце. Всё сооружение выглядело так, будто его возводили на протяжении многих столетий, и каждый новый хозяин стремился оставить собственный след, не особенно заботясь о том, насколько его вкусы соответствуют замыслам предшественников.

Вокруг замка раскинулся обширный парк, окружённый высокой каменной стеной. С этой стороны можно было различить прямые аллеи, небольшие павильоны, террасы и фонтаны, а ниже по склону — реку, тёмную и почти неподвижную. На её берегах росли старые ивы, чьи длинные ветви касались воды, и несколько белых птиц медленно скользили вдоль противоположного берега. Замок отражался в реке причудливо искажённым силуэтом, в котором башни казались выше, а стены — гораздо массивнее, чем на самом деле. Злата некоторое время смотрела на открывшуюся картину, забыв о спутниках. Место было великолепным, хотя его красота не располагала к беззаботному восхищению. В ней чувствовалось что-то суровое, почти надменное, словно замок не столько приглашал путников войти, сколько позволял им приблизиться.

— Нравится? — спросил Кощей.

Злата обернулась и обнаружила, что он наблюдает за ней с нескрываемым удовольствием.

— Очень, — призналась она. — Хотя я совершенно не представляла, что увижу нечто подобное.

— А что вы ожидали?

Она помедлила, пытаясь подобрать ответ, который не прозвучал бы оскорбительно.

— Пожалуй, что-нибудь менее... обитаемое.

Кощей рассмеялся.

— Боюсь, слухи о моём пристрастии к подземельям несколько преувеличены. Я люблю удобства ничуть не меньше остальных.

— Вы сами его построили?

— Не целиком, разумеется. Некоторые части появились задолго до меня, другие я велел перестроить. Хороший дом должен меняться вместе с хозяином, иначе рано или поздно они перестают подходить друг другу.

Злата снова посмотрела на замок. Ей хотелось узнать, кто возводил самые древние башни, сколько поколений мастеров трудилось над каменной резьбой и какие события могли происходить за этими стенами. Особенно занимала мысль о том, что Кощей, если верить сказкам, мог лично помнить времена, от которых в Яви не осталось ничего, кроме разрозненных преданий. Для историка или филолога такой собеседник представлял бы немыслимую ценность. К сожалению, именно этот собеседник распорядился заманить её в Навь, и потому научный интерес приходилось постоянно одёргивать.

Они продолжили путь по дороге, спускавшейся к реке. Иван поравнялся со Златой, и она воспользовалась тем, что Кощей немного отдалился, рассматривая что-то на противоположном склоне.

— Ты здесь живёшь? — спросила она негромко.

— Иногда.

— А в остальное время?

— Где придётся.

— Очень содержательно.

— Стараюсь.

Она бросила на него сердитый взгляд, но Иван даже не улыбнулся. Он смотрел на замок с выражением, которого Злата прежде у него не замечала. В этом взгляде не было ни восхищения, ни радости возвращения домой; скорее, он напоминал человека, который узнаёт хорошо знакомое место и заранее представляет, какие неприятности его там ожидают.

— Ты не особенно рад возвращаться, — заметила она.

Иван перевёл на неё глаза.

— С чего ты взяла?

— Обычно люди, которым приятно возвращаться домой, выглядят немного иначе.

— А я разве говорил, что это мой дом?

Злата хотела возразить, но он уже отвернулся, давая понять, что продолжать разговор не намерен. Она почувствовала знакомое раздражение. С Иваном всё время происходило одно и то же: стоило ей приблизиться к чему-нибудь важному, как он либо отшучивался, либо замыкался, и разобраться, где заканчивается его обычная скрытность и начинается намеренный обман, становилось почти невозможно.

Каменный мост через реку оказался широким, с низкими парапетами, украшенными изображениями переплетённых змей и птиц. Вода под ним была настолько тёмной, что Злата не смогла разглядеть дна даже у самого берега. Она задержала взгляд на отражении замка и заметила странность: в воде виднелась башня, которой не было на холме, а некоторые окна, напротив, исчезали, словно отражение принадлежало другому зданию. Вспомнив ручей в лесу и предупреждение Ивана не прикасаться к воде, Злата поспешила отвернуться. Ей не хотелось выяснять, какие ещё особенности здешних рек следует учитывать человеку, рассчитывающему дожить до следующего утра.

У ворот их встретили двое стражников в тёмных плащах. Один был высоким и широкоплечим, с бледным лицом и совершенно чёрными глазами; другой выглядел почти обыкновенным человеком, если не считать необычайно длинных пальцев, которыми придерживал древко копья. Оба поклонились Кощею, и тот приветствовал их по именам, спросив о каких-то делах, оставшихся за время его отсутствия. Злата не расслышала ответа, зато заметила, как стражники переглянулись при виде неё. Взгляд был коротким, но достаточно выразительным, чтобы она поняла: о её появлении здесь уже знают или, по крайней мере, ожидали.

За воротами открылся просторный внутренний двор, вымощенный светлым камнем. По сторонам тянулись крытые галереи с арочными проходами, над ними возвышались окна с цветными стёклами, а в центре находился большой фонтан. Его украшала каменная фигура женщины с длинными распущенными волосами, стоявшей на невысоком постаменте. Из её раскрытых ладоней стекали тонкие струи воды, собираясь в широкой чаше, по краям которой росли белые цветы. Скульптура была выполнена с удивительной тщательностью: мастер сумел передать даже отдельные пряди волос, складки длинного платья и едва заметный наклон головы. Злата задержалась возле фонтана, пытаясь рассмотреть лицо женщины, но с того места, где она стояла, его наполовину скрывала тень.

Во дворе было людно. Несколько слуг пересекали пространство с корзинами и свёртками, возле конюшен мужчина в кожаном переднике разговаривал с молодым конюхом, а под одной из галерей две женщины в длинных платьях оживлённо обсуждали что-то, склонив головы друг к другу. При появлении Кощея разговоры ненадолго стихали, люди кланялись или почтительно склоняли головы, после чего возвращались к своим делам. Эта обыденность произвела на Злату неожиданно сильное впечатление. До сих пор Навь представлялась ей пространством лесных чудовищ, пустых деревень и невозможных дорог; теперь же перед ней оказался целый мир, в котором кто-то готовил еду, ухаживал за лошадьми, ссорился, смеялся и, вероятно,

строил планы на завтрашний день. Осознание этого почему-то пугало не меньше, чем встреча с женщиной у колодца. Чудовищ можно было попытаться объяснить кошмаром, но целое общество, существующее по ту сторону знакомой действительности, требовало куда более серьёзного пересмотра привычных представлений.

Кощей остановился возле широкой лестницы, ведущей к главным дверям замка, и повернулся к ней.

— Добро пожаловать, Злата. Надеюсь, со временем вы будете чувствовать себя здесь как дома.

Она посмотрела на него, затем на высокие стены, окружавшие двор.

— А если я захочу вернуться домой по-настоящему?

Кощей не перестал улыбаться, однако его взгляд стал внимательнее.

— Тогда нам придётся обсудить условия.

Злата почувствовала, как недавнее восхищение замком уступает место знакомой тревоге. Слово прозвучало слишком определённо, чтобы принять его за случайную оговорку.

— Какие условия?

— Всему своё время, — мягко ответил он. — Уверяю вас, мы ещё успеем поговорить обо всём, что вас интересует.

— Пока складывается впечатление, что вы предпочитаете говорить о чём угодно, кроме того, что меня интересует.

На мгновение ей показалось, что Кощей удивился. Затем он рассмеялся — негромко, с явным удовольствием.

— Полагаю, нам предстоит немало занимательных бесед.

Он слегка поклонился и направился к дверям, где его уже ожидали несколько человек. Злата осталась у фонтана, провожая его взглядом. Она понимала, что только что получила самый важный ответ за всё время знакомства с Кощеем, хотя он и не содержал никаких объяснений. Возвращение домой, по его мнению, не являлось её безусловным правом. Оно представлялось предметом переговоров, и условия этих переговоров собирался определять он сам.

— Не переживай, — негромко произнёс Иван, остановившись рядом.

Злата медленно повернула к нему голову.

— Ты серьёзно?

Он помолчал.

— Пожалуй, неудачно выразился.

— Неудачно? Ты привёл меня сюда обманом, твой Кощей отказывается объяснять, зачем я ему нужна, а теперь выясняется, что за возвращение домой придётся чем-то расплачиваться. И ты предлагаешь мне не переживать?

Иван выслушал её, не перебивая. На этот раз он даже не попытался улыбнуться, и Злата с досадой обнаружила, что предпочла бы привычную насмешку этому непривычно серьёзному выражению лица.

— Я не предлагаю тебе ничего такого, — ответил он наконец. — Просто будь осторожна с тем, что обещаешь.

— Почему?

Иван посмотрел на двери замка, за которыми исчез Кощей.

— Потому что здесь к обещаниям относятся серьёзнее, чем ты привыкла.

— Насколько серьёзнее?

Он собирался ответить, но в этот момент из замка вышел высокий пожилой мужчина в тёмной одежде. Его волосы были совершенно седыми, лицо — узким, с глубокими складками возле рта, а движения отличались той сдержанной точностью, которая бывает у людей, привыкших распоряжаться чужим временем и не терпящих беспорядка. Подойдя к Злате, он почтительно поклонился и представился Еремеем, управляющим замка.

— Господин распорядился проводить вас в приготовленные покои, — сообщил он. — Надеюсь, дорога не слишком утомила вас.

Злата посмотрела на Ивана, ожидая, что тот хотя бы закончит начатое объяснение, но он уже отступил на шаг.

— Увидимся позже, — сказал он.

— Иван...

— Позже, Злата.

Она стиснула зубы. Спорить при управляющем не хотелось, а Иван, судя по его виду, всё равно не собирался продолжать разговор. Злата поправила лямку рюкзака и последовала за Еремеем, который уже направился к лестнице. На середине подъёма она оглянулась. Иван остался возле фонтана и смотрел на каменную женщину так неподвижно, словно совершенно забыл об окружающем мире. Вода стекала с её ладоней тонкими прозрачными нитями, ветер шевелил листья деревьев за галереями, а он всё стоял, опустив голову, и в его позе было что-то такое, отчего Злата неожиданно вспомнила слова Агафьи о чужих неприятностях, за которые приходится расплачиваться не одному человеку.

Внутри замок оказался ещё внушительнее, чем снаружи. За тяжёлыми дверями открывался просторный вестибюль с высоким сводчатым потолком и широкими лестницами, уходившими в разные стороны. Пол был выложен светлыми и тёмными каменными плитами, образующими сложный геометрический узор, вдоль стен стояли массивные канделябры, а над входом висел огромный гобелен, изображавший охоту в осеннем лесу. Злата невольно замедлила шаг, рассматривая фигуры всадников, собак и странного зверя с ветвистыми рогами, в которых запутались человеческие силуэты. Ей показалось, что один из всадников повернул голову, когда она проходила мимо, но, оглянувшись, она увидела только неподвижное тканое изображение.

Еремей провёл её через несколько залов и длинную галерею, где на стенах висели старинные портреты. Среди изображённых встречались мужчины в тяжёлых кафтанах, женщины в богатых платьях, дети с необычайно серьёзными лицами и несколько существ, которых Злата затруднилась бы отнести к человеческому роду. У одного из портретов она невольно задержалась: на нём был изображён мужчина с седыми волосами и узким лицом, удивительно похожий на самого Еремея, только одетый в старинный доспех. Управляющий заметил её интерес, но ничего не сказал, и Злата решила пока не задавать вопросов. Она уже начинала подозревать, что в этом замке любая случайная подробность способна оказаться началом истории, на которую потребуется гораздо больше времени, чем ей хотелось бы здесь провести.

Они поднялись по узкой лестнице на верхнюю галерею и остановились перед высокой дверью из тёмного дерева. Еремей достал связку ключей, выбрал один и отпер замок. Злата вошла вслед за ним и невольно замерла.

Комната была огромной, с высокими окнами, выходившими на парк и реку, камином в резном обрамлении и книжными шкафами, занимавшими почти всю противоположную стену. Возле камина стояли два кресла, обитые тёмно-зелёным бархатом, между ними помещался небольшой столик с тонкими изогнутыми ножками, а в глубине комнаты возвышалась широкая кровать с тяжёлым пологом и высоким деревянным изголовьем. На полу лежал мягкий ковёр с растительным узором, возле окна стояла ваза с белыми цветами, и откуда-то доносился едва заметный запах воска и свежего белья. Туалетный столик украшало большое зеркало в серебряной раме, и Злата невольно вспомнила предупреждение Агафьи. После вчерашнего вечера она уже не могла смотреть на зеркала с прежним равнодушием.

— Это всё для меня? — спросила она, оглядываясь.

— Господин распорядился, чтобы вам было удобно, — ответил Еремей.

— Он всегда так принимает гостей?

Управляющий чуть склонил голову.

— Господин ценит гостеприимство.

Злата подумала, что гостеприимство — довольно своеобразное название для ситуации, в которой человека сначала заманивают в другой мир, а затем предоставляют ему роскошную спальню. Впрочем, высказывать эту мысль вслух она не стала. Вместо этого подошла к окну и посмотрела вниз. С высоты парк казался тщательно продуманным рисунком: аллеи пересекались под прямыми углами, между деревьями виднелись круглые площадки с фонтанами, а вдоль высокой стены тянулись узкие дорожки, исчезавшие среди густых кустарников. Дальше лежала река, за которой начинались леса, уходившие к самому горизонту. Красота открывавшегося вида была несомненной, но Злата невольно попыталась определить, где заканчиваются владения Кощея и начинается остальная Навь. По тому, что она успела увидеть, это был вопрос далеко не праздный.

— Скажите, Еремей, — обернулась она, — я могу свободно выходить из комнаты?

— Разумеется.

— А из замка?

— Вы можете гулять по саду и парку. Некоторые помещения, к сожалению, закрыты для гостей, но в остальном господин не намерен ограничивать ваши передвижения.

— А если я захочу выйти за ворота?

Еремей помолчал, и эта короткая пауза оказалась красноречивее последовавшего ответа.

— Я бы настоятельно не советовал вам делать этого без сопровождения. Навь бывает опасна для тех, кто не знает её дорог.

— То есть мне запрещено уходить?

— Я сказал лишь то, что сказал, госпожа Злата.

Она внимательно посмотрела на управляющего. Лицо его оставалось совершенно бесстрастным, и по выражению невозможно было определить, скрывает ли он нечто важное или просто привык отвечать исключительно в пределах своих обязанностей. Злата решила, что расспросы пока бесполезны. Еремей, очевидно, принадлежал к людям, которых не так-то просто вывести из равновесия, а добиваться от него признания, что она фактически находится под надзором, не имело особенного смысла. Важнее было выяснить, насколько строго этот надзор осуществляется.

Управляющий сообщил, что вскоре придёт служанка, которая поможет ей освоиться, а ужин будет подан в малой столовой. Он также предложил обращаться к нему, если возникнут какие-либо затруднения, и заверил, что господин распорядился удовлетворять все разумные просьбы гостьи. Слово «разумные» Злата отметила особо. После этого Еремей поклонился и вышел, оставив её одну.

Некоторое время она стояла посреди комнаты, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Затем подошла к двери, осторожно повернула ручку и выглянула в коридор. Дверь открылась без всякого сопротивления. Галерея была пуста, только вдоль стен горели небольшие светильники, похожие на старинные масляные лампы, а где-то далеко слышались голоса и негромкий стук посуды. Злата сделала несколько шагов за порог, посмотрела в обе стороны и вернулась обратно. Запирать её никто не собирался, по крайней мере пока, но это обстоятельство не приносило особенного облегчения. Если дороги Нави действительно меняли направление по собственному усмотрению, а за воротами поджидали существа, подобные женщине у колодца, хозяину замка вовсе не требовалось держать гостью под замком. Достаточно было предоставить ей возможность убедиться, что уйти некуда.

Она сняла рюкзак, положила его возле кресла и села у камина. Впервые с момента появления Кощея у неё появилась возможность спокойно обдумать услышанное. Он утверждал, что граница между Явью и Навью разрушается и её присутствие необходимо для восстановления прежнего порядка. Возможно, это было правдой. Возможно, лишь частью правды. Злата не знала, можно ли вообще доверять существу, которое на протяжении многих веков суще-

ствовало в сказках под именем Бессмертного, но одно обстоятельство представлялось ей несомненным: Кощей нуждался в ней достаточно сильно, чтобы организовать её похищение. Следовательно, у неё имелось нечто, чего он не мог получить иным способом. Что именно — оставалось неизвестным, но это незнание, как ни странно, давало некоторую надежду. Если она действительно была ему нужна, значит, он не мог распоряжаться ею совершенно безнаказанно.

Злата достала блокнот и раскрыла его на последних страницах. Здесь по-прежнему оставались записи, сделанные в Бережках: вопросы о старом камне, упоминание Забытого лога, заметки о колодце и несколько наблюдений об Иване, которые теперь выглядели почти издевательски наивными. Она перечитала их, испытывая странное чувство, будто с момента приезда в деревню прошло не несколько дней, а целая жизнь. Тогда её занимали местные предания, особенности говоров и возможность отыскать интересный материал для исследования. Теперь те же самые истории сделались частью действительности, а человек, которого она считала случайным знакомым, оказался проводником, выполнявшим чужое поручение.

Она перевернула страницу и аккуратно написала:

Кощей. Зачем я ему нужна?

Ниже появилась вторая строка:

Как вернуться в Явь?

Злата немного подумала и добавила ещё один вопрос:

Почему Иван предупредил об обещаниях?

Она посмотрела на три короткие записи, затем закрыла блокнот. Вопросов было значительно больше, но пока именно эти казались главными. Остальное — устройство Нави, природа её обитателей, история замка и особенности местных дорог — могло подождать. По крайней мере, так она пыталась себя убедить. В действительности любопытство уже начало спорить со страхом, и Злата прекрасно понимала, что рано или поздно не удержится от попытки исследовать хотя бы ближайшие галереи.

За окнами постепенно темнело. Солнце скрылось за дальними лесами, оставив на горизонте узкую полосу бледно-золотистого света, а над парком начал подниматься туман. Внизу зажигались фонари, по аллеям двигались небольшие фигуры слуг, и замок медленно переходил от дневной суеты к вечернему покою. Злата подошла к окну и некоторое время наблюдала за двором. Отсюда можно было разглядеть фонтан с каменной женщиной, возле которого теперь никого не было. Вода продолжала стекать с её ладоней, белые цветы по краям чаши казались почти светящимися в сумерках, и Злата неожиданно подумала, что скульптура производит слишком печальное впечатление для обычного украшения.

Где-то внизу ударил колокол.

Звук был низким, протяжным и настолько неожиданным, что она вздрогнула. На мгновение перед глазами возникли настоящие Бережки, старая церковь без колокола и тёмное окно, за которым раздавался звон, не имевший никакого объяснения. Злата прислушалась, ожидая продолжения, но замок оставался тихим. Только ветер шевелил ветви деревьев в парке, да из дальнего крыла доносились приглушённые голоса.

Она вернулась к креслу и некоторое время сидела, глядя на погасший камин. Ей хотелось верить, что Кощей действительно собирается исправить происходящее между мирами, а её участие необходимо по причинам, которые он пока не может объяснить. Однако чем внимательнее она вспоминала разговор, тем сильнее сомневалась в собственной готовности принимать его слова на веру. Он был обаятелен, образован, внимателен к собеседнику и умел признавать неудобные обстоятельства, не позволяя им повлиять на ход беседы. Но за всей этой учтивостью скрывалась неприятная уверенность в том, что Злата рано или поздно согласится на предложенные условия. Возможно, именно поэтому он не торопился их называть.

Она в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.